

ПУШКИН

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

Людмила Сидорова

Пушкин – Тайная любовь

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Сидорова Л.

Пушкин – Тайная любовь / Л. Сидорова — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-095972-3

Яркая, насыщенная важными событиями жизнь из интимных переживаний собственной души великого гения дала большой материал для интересного и увлекательного повествования. Нового о Пушкине и его ближайшем окружении в этой книге — на добрую дюжину диссертаций. А главное — она актуализирует недооцененное учеными направление поисков, продвигает новую методику изучения жизни и творчества поэта. Читатель узнает тайны истории единственной многолетней, непреходящей, настоящей любви поэта. Особый интерес представляет разгадка графических сюит с «пейзажами», «натюрмортами», «маринами», «иллюстрациями».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-17-095972-3

© Сидорова Л., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1. Вместо Екатерины – «северинь»?	8
Глава 2. «Черты живые прелестной девы»	24
Глава 3. «Эти уездные барышни!»	36
Глава 4. ...А бакунина «к нам без интересов»	60
Глава 5. «Лилу, темиру, всех обожал»	79
Глава 6. Тайна дворцового коридора	96
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Людмила Сидорова

Пушкин – Тайная любовь

© Сидорова Л., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Введение

Перед вами – история единственной многолетней, непреходящей, настоящей любви поэта Александра Сергеевича Пушкина. К кому? А, как это ни парадоксально, к одной из его самых первых, лицейских еще пассий – сестре его одноклассника и тезки Екатерине Павловне Бакуниной (9 февраля 1795 – 7 декабря 1869). Не ожидали такого от известного своей ветреностью гения? Я бы тоже не поверила в его сколь-нибудь длительную преданность своей первой любви, если бы не убедилась воочию, что именно о ней во множестве своих рукописных листов он старается рассказать нам, своим умным и догадливым потомкам.

Наверное, в награду за то, что уже без малого два столетия бережно сохраняем его черновики. Порой даже с ревностью не по разуму: стремясь утаить не только от общественного любопытства, но и от науки его автобиографику – дневники с записями интимного характера, «напечатанные» карандашом в междустрочье стихов и вписанные пером в линии графических сюит. Да-да, я – о том самом «пропавшем» дневнике, который российские пушкинисты уже столько десятилетий упорно и, естественно, безрезультатно ищут по всему миру.

Тщета этих поисков сделалась особенно убедительной после выхода в свет в 1995–1997 годах усилиями коллектива ученых Пушкинского Дома восьмитомника «Рабочих тетрадей А.С. Пушкина», в 1999 году – «Альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой» и в 2013-м – трехтомника пушкинских «Болдинских рукописей 1830 года». Для тех, кто ко времени раскрытия этих первоисточников успел прикоснуться к пушкинским тайнам чисто интуитивно, стало очевидным, что почти все творчество великого поэта обусловлено по сути лишь двумя-тремя его замалчиваемыми по этическим, вероятно, соображениям трагическими любовными историями. А наука в целом все еще продолжает объяснять его себе отношениями Александра Сергеевича с десятистепенной важности для него женщинами, которые в свое время догадались оставить о себе любимых потомкам в связи с ним строчку в дневнике, письмо подруге или светский альбом с его дежурным мадригалом.

Отношения Пушкина с Екатериной Павловной Бакуниной не являются одной из вышеупомянутых трагических историй. Но их нельзя назвать и случайным эпизодом. Для этой девушки в сердце поэта во всю его жизнь сохранялся отдельный, только ей предназначенный уголок. Мысли о ней присутствуют во многих его произведениях, образ ее возникает в его графических сюитах самых разных лет. Дело за «малым» – разглядеть, прочесть его тайну.

Даже сличение нарисованных Пушкиным профилей с написанными профессиональными художниками портретами их предполагаемых прототипов – занятие непростое, связанное с обладанием достаточными знаниями о самом поэте и людях из его круга общения, о его творчестве и исторической эпохе. Еще сложнее разгадывать пушкинские графические сюиты с «пейзажами», «натюрмортами», «маринами», «иллюстрациями»... Потому что на самом деле в его графике ...никаких художественных жанров нет. А все, что иные ученые пытаются систематизировать, – лишь метафоры, символы того, что он интегрирует, трансформируя порой почти до неузнаваемости, в свое творчество из событий своей реальной жизни, из интимных переживаний собственной души.

Другую немаловажную для нас трудность отметил еще на юбилейной парижской выставке графики поэта 1937 года художник Мстислав Добужинский: «Рисунки Пушкина тесно связаны не только с его биографией, но и со множеством явлений в пушкинской современности: одной из самых интересных задач будет выяснение художественных влияний – непосредственных, косвенных и «подпочвенных», которые в той или иной мере могли дей-

ствовать на Пушкина-художника»¹. А в речи при закрытии этой выставки Мстислав Валерьянович еще и многозначительно присовокупил, что в графике Пушкине видит товарища того же братства, в котором состоит сам.

Наивно, конечно, полагать, что имел он в виду содружество профессиональных художников. Братство это – масонское иллюминатское общество, в котором занимались особого рода рисованием – изобретали и широко использовали различного рода шифровки. Кодирование информации в словах и рисунках в пушкинское время, когда светские люди обожали игры, шарады и ребусы, маскарады и живые картины, эпиграммы и карикатуры, вообще было в большой моде. В разной мере владели искусством шифрования, даже не будучи масонами, многие современники поэта. В том числе – близкие его друзья Жуковский, Батюшков, Кюхельбекер, Дельвиг... Хотя в мастерстве рисования им, конечно, за Пушкиным не угнаться. Тот совершенствовался в этом искусстве – тренировал глаз и руку – так же упорно, как и в стрельбе из пистолета.

По графике Пушкина хорошо видно, что не только для своих поэм с политической подоплекой усвоил он с юности известное правило: надежнее всего информацию спрятать – это ее «выпятить», как говорится, положить на самом видном месте. И образы своих сюит он прямо РИСУЕТ БУКВАМИ! Печатными и скорописными. Крупными и мелкими. Ясными и затененными. Четкими и едва выглядывающими бочком из черноты. Но в совокупности своей непременно образующими какую-то линию – НЕПРЕРЫВНУЮ ЦЕПОЧКУ слова или фразы.

Поэтому пушкинскую графику надо читать. Тем более что в манере графического шифрования записей своего интимного дневника поэт не оригинален. Он строго, принципиально придерживается общепринятых символики и правил, потому что рассчитывает в конечном итоге быть понятым. Вначале – знающими многие подробности его личной жизни друзьями, которые, как он, вероятно, полагал, будут призваны изучать его архив после его смерти. А через них – и прочими современниками.

Для нас, сегодняшних, конечно, непривычен, сложноват сам по себе символический язык графики Пушкина, понуждающий обращаться ко многим источникам, развивать догадливость, порой даже проявлять смекалку. Однако ключ практически от всех его кодов – его творчество, в котором нет ни единого лишнего, не вписывающегося в общую литературную концепцию его жизни образа, ни единого праздного слова. В графике в этот круг приходится включать и пресловутую ненормативную лексику поэта.

Остающаяся в конечном итоге в его черновиках, она и там просто информативна – суха, эмоционально бесцветна. К примеру, рядом с именем любимой женщины и датой Пушкин лаконичным глаголом в три или четыре буквы – «е...ъ» или «у...ъ» – всего лишь констатирует факт интимных отношений с ней. Или отсутствие таковых: «не е...ъ ея». И, добросовестно занимаясь изучением его жизни и творчества, эту ненормативность не обойти стороной. Потому что лишь к ней легко и, главное, оправданно, расставляясь по своим законным местам, «прилаживается» все то, чем давно уже интуитивно оперирует пушкинистика – мемуары, письма, дневники, разговоры людей из окружения поэта...

¹ Даманская А. Вырезка из парижской газеты от апреля 1937 года. // Материалы художника Добужинского в Бахметьевском архиве. Цитирую эту вырезку по главе «История изучения пушкинских рисунков» книги С.В. Денисенко и С.А. Фомичева «Пушкин рисует. Графика Пушкина» – «Нотабене», СПб, 2001, с. 239.

Глава 1. Вместо Екатерины – «северинъ»?

Из собранного многими поколениями пушкинистов разнообразного биографического материала явствует, что недолюбленный в семье ребенок Пушкин рано созрел для взрослых отношений – словно стремился компенсировать ими ущербность своего детства. Ответного глубокого чувства к родителям у него не было, хотя потребность в любви к ним в нем была достаточно велика. Как отмечает более или менее наблюдательная женщина Анна Керн, до вступления в Лицей у него были только две пронесенные потом через всю жизнь привязанности. К суррогату своей биологической матери – престарелой «мамушке» Арине Родионовне и к сестре Ольге². Он был оторван от них в 11-летнем возрасте, и как только получил возможность выходить из стен своего сугубо мужского учебного заведения, стал бессознательно стараться найти им замену.

Свою идеальную мать он увидел и полюбил в этом качестве в образе Екатерины Андреевны, супруги проводившего лето за работой в Царском Селе писателя и историка Николая Михайловича Карамзина. Возможно, с нарочитой дезинформации самого Пушкина ничего не знающая об его отношениях с царскосельскими девушками Анна Керн даже утверждала, что Екатерина Андреевна и была его самой первой любовью. Чем писатель Юрий Николаевич Тынянов и поспешил воспользоваться для раздутия целой нереальной истории о возрастной «утаенной» пассивности юного поэта.

Свидетельство тому, что Пушкин просто «уматерил» себе Екатерину Андреевну, оставила внимательная и прозорливая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг. Тронутая тем, что именно супругу Карамзина Пушкин спросил первой после своего смертельного ранения на дуэли, она 17 марта 1837 года писала их с поэтом общему приятелю В.Г. Теплякову: «Екатерина Андреевна (жена историка) – предмет первой и благородной привязанности Пушкина»³.

Примерно то же самое о нем утверждала и другая умная женщина, Александра Осиповна Смирнова-Россет: «Я наблюдала за его обращением с г-жой Карамзиной: это не только простая почтительность по отношению к женщине уже старой, это нечто более ласковое. Он чрезвычайно дружески почтителен с княгиней Вяземской, m-me Хитрово, но его обращение с Карамзиной совсем не то»⁴. Значит, это почти родственное, сыновнее. По возрасту Екатерина Андреевна Пушкину в матери подходила вполне – была старше него на 19 лет. Очевидно, что таким его, лишенного любви собственной биологической матери, отношение к Карамзиной и было всегда. И сама она воспринимала юношу Пушкина наподобие своего приемного сына. Благо, ей было не привыкать воспитывать чужих детей – при ней достаточно благополучно росла падчерица Соня, дочь Н.М. Карамзина от его первого брака.

Вероятно, по образцу Екатерины Андреевны Карамзиной Пушкин в пору, когда у него «любовь младую взволновала кровь», представлял себе и собственную будущую идеальную супругу – не только любовницу, но и сестру, подругу, в определенном смысле соратницу. Красавицу, но не кокетку. Общительную, но не с распахнутой настежь душой. Заботливую, но не назойливую. Хозяйку дома и мать его детей, но с творческими задатками и пониманием особенностей его труда. Ему нужна была женщина, способная обеспечить ему душевный покой, надежный тыл, условия для работы. И он уже в самом раннем своем юношестве приметил соответствующую его жизненным интересам девушку – красивую, умную и талант-

² Сысоев Владимир. Анна Керн. Жизнь во имя любви. – М., «Молодая гвардия», 2010, с. 23.

³ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников // Сочинения в 4 томах. – М., «Правда», 1990, т. 2, с. 83.

⁴ Смирнова-Россет А.О. Записки с 1825 по 1845 год. – М., «Захаров», 2003, с. 331.

ливую старшую сестру своего одноклассника Александра Бакунина. Дух захватывало уже одно то, что у барышни, которую он на исходе детства намеревался «усестрить», а в юношестве – «уневестить», даже имя было такое же, как у его идеальной матери Карамзиной: Екатерина...

Эти мои записки – своеобразное дополнение к работе о Екатерине Бакуниной известного тверского краеведа Владимира Сысоева «Поэта первая любовь. Екатерина Павловна Бакунина»⁵. Не припомню иного более полного свода сведений об этой во многих отношениях интересной женщине. Не расстраивайтесь, впрочем, если вам не удалось подержать в руках эту книгу, изданную в Твери в 2006 году Бакунинским фондом тиражом всего в тысячу экземпляров. «Отталкиваясь» от нее, мне с неизбежностью придется цитировать для вас самое важное из ее основных разделов.

В целом не повторяя известное, я расскажу вам много нового, неожиданного. Потому что Екатерина Бакунина в жизни Пушкина значила гораздо больше и в творчестве его отразилась гораздо ярче, чем, к моему великому сожалению, покойный ныне Владимир Иванович Сысоев успел это в своей книге показать. По прошествии времени ряд моментов его труда требует более детального объяснения, дополнения, уточнения, а иногда – исправления. Словом, и читателям книги В.И. Сысоева, и поклонникам творчества Пушкина, и всем интересующимся русской литературой предлагаю попробовать вместе со мной взглянуть на Екатерину Бакунину глазами не только отстраненного исследователя, а и самого влюбленного в нее человека и поэта Александра Пушкина. А попутно – научиться читать и глубже понимать не только литературные, но и графические шедевры поэта по его непреложным правилам рисования, которые стану для вас выносить на поля своей книги. Договорились? Тогда начнем.

С чего? А прямо с портрета нашей героини. Могло ли стать, чтобы талантливый график Пушкин не запечатлел в своих рукописях облика той, в которую был влюблен на протяжении не одного даже года? Владимир Сысоев тоже считал, что не могло. Искал и, как ему показалось, нашел профиль пушкинской юношеской любви, который и приводит в своей книге без ссылки на иного «первооткрывателя»⁶.

Признаться, в этом выборе трудно не только усмотреть сходство с прижизненными портретами Екатерины, но даже понять логику исследовательского поиска Владимира Ивановича. Профилем Бакуниной он считает крайний левый во втором ряду сюиты черного наброска статьи «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...», найденного в бумагах поэта за 1824 год. Почему – не объясняет. Женских профилей в этой сюите вообще только три. И показавшийся знакомым Владимиру Сысоеву вовсе ведь не один из них.

⁵ Сысоев Владимир. Поэта первая любовь. Екатерина Павловна Бакунина. – Тверь, ЗАО СДЦ «Престо», 2006.

⁶ Сысоев Владимир. Там же, с. 23.

ПД 834, л.3⁷

«Кошачья» ласковость, льстивость, игривость улыбки при достаточно жестком, оценивающем взгляде глаз под сросшимися на переносице бровями и тяжеловатом «немецком» подбородке этого профиля – вовсе не открытость и милость, доброжелательность ко всем окружающим людям, которыми светится лицо молодой смотрящей на мир глазами художницы девушки Екатерины Бакуниной.

Пушкин начинает свой набросок о ходе российского литературного процесса в 1824 году – во время пребывания если не в Одессе, то в Михайловском. Но пририсовывает к наброску графическую сюиту, судя по разному цвету чернил, этапами и гораздо позднее, уже после восстания декабристов. Ибо в ней крупно присутствует граф Мирабо, обличитель абсолютизма в период Великой французской революции. Под ним подразумевается трусливо бежавший за границу к изображенному с ним теперь плечом к плечу родному старшему брату-дипломату Сергею «декабристский» приятель автора рисунка Николай Иванович Тургенев. Лацкан дипломатического фрака Сергея Ивановича и вырезан в форме **буквы «С»**. Стоит, кстати, запомнить этот один из главнейших принципов пушкинской методики графического шифрования.

ПРАВИЛО № 1: Пушкин «маскирует» буквы по одной и слитно в утолщениях линий профилей и «вырезает» их в деталях одежд своих персонажей. Так, инициалы персонажей-мужчин он всегда «вырезает» в лацканах их фраков, воротниках сюртуков и кружевах сорочек

Идет следствие по делу декабристов, и Пушкин прямым изображением опасается выдать Николая Ивановича, доказывающего властям свою непричастность к заговору. Из

⁷ Здесь и далее рисунки А.С. Пушкина и их фрагменты приводятся по вышеупомянутым факсимильным изданиям: «Рабочие тетради А.С. Пушкина». Т. I–VIII. – СПб – Лондон, 1995; «Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой». – СПб, «Logos», 1999; «А.С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года». Т. I–III. – СПб, «Альфарет», 2013.

соображений секретности Александр Сергеевич изображает Тургенева к тому же одним Мирабо, тогда как по данному им самим Николаю прозвищу – Два Мирабо – требовалось бы рисовать сразу обоих, графа Оноре и его отца – экономиста-меркантилиста маркиза Виктора Мирабо. Одинарные, просто двойные и даже двойные «валетные» обозначения Тургенева в виде Мирабо в рисунках Пушкина встречаются много раз.

Изображенный в шляпе-треуголке с поникшим пером плюмажа персонаж с наполеоновским профилем – стратег и тактик восстания декабристов на Украине Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Да, он – далекая родня нашей Екатерине Бакуниной через жену ее двоюродного дяди, но присутствует здесь вовсе не по этой причине. С Тургеневым и Муравьевым-Апостолом Пушкин водил дружбу в свои досылочные петербургские годы. На шеях у обоих опознанных нами персонажей есть наведенная пушкинским пером чернота: автор рисунков, лично оценивающий готовность своих знакомцев к революционным «подвигам», уже как будто метит места для будущей палаческой веревки.

ПРАВИЛО № 2: как отмечает Л.А. Краваль, в пушкинских рисунках всегда более крупны по отношению к родителям – их родные и приемные дети, воспитанники, а по отношению к своим старшим братьям и сестрам – младшие дети (к старшим по статусу в ложе братьям-масонам – младшие братья). По разнице в размерах профилей старших и младших можно достаточно точно определить возраст каждой из категорий.¹

Если бы он рисовал эту сюиту после казни декабристов, то должен был бы оставить намек на такую же петлю и у шеи верного соратника Муравьева-Апостола – Михаила Павловича Бестужева-Рюмина. Последний – гораздо младше своего шефа возрастом, поэтому его горбоносый профиль заметно крупнее муравьевского.⁸

Бестужев-Рюмин связан с Муравьевым-Апостолом, что называется, «одной веревочкой», которая с первого взгляда на этом рисунке и обнаруживается. Это – дружба, преданность, даже почитание младшим по возрасту Бестужевым своего высокообразованного и высоконравственного старшего товарища. При более внимательном рассмотрении рисунка эта веревочка оказывается частью контура напяленного на голову Бестужева масонского революционного красного колпака с кисточкой, свидетельствующего о по-юношески максималистских, прямо экстремистских устремлениях его обладателя.

Чернит Пушкин на профиле Бестужева только нос. Значит, порицает пагубное любопытство юноши, который искренне, от всей своей неопытной души «повелся» на декабристскую пропаганду по принципу русской пословицы о любопытной Варваре: за то же самое ей, как известно, на базаре нос оторвали.

ПРАВИЛО № 3: рисунки Пушкина зачастую метафоричны: их персонажи действуют или находятся в состоянии, положении персонажей соответствующих пословиц или поговорок, известных литературных героев, исторических или политических деятелей.

Профиль реально замаранного участием в восстании 14 декабря 1825 года «сумасшедшего» Вильгельма Кюхельбекера («Кюхли», как записано в линиях его прически) Пушкин вообще не просто приштриховывает инициалом имени этого персонажа – огромной буквой «В», а как бы зачеркивает: не считает этого своего друга реально способным на что-либо

⁸ Не умаляя заслуг в изучении пушкинской графики «первопроходцев» Т.Г. Цявловской, А.М. Эфроса, И.С. Зильберштейна и других, замечу, что принципы рисования поэта в систему начала выводить в своей книге «Рисунки Пушкина как графический дневник» (М, «Наследие», 1997) саратовская пушкинистка Любовь Алексеевна Краваль. Некоторые правила заимствованы мною в этом ее исследовании. Оно оказалось весьма полезным дополнением к книге Г.А. Невелева «Истина сильнее царя...» (М., 1985), каталогу атрибуций Р.Г. Жуйковой «Портретные рисунки Пушкина» (СПб., 1996), работам по графике Пушкина С.В. Денисенко и С.А. Фомичева...

серьезное. Он хорошо знает, что тот мог отправиться на Сенатскую площадь и просто, что называется, из тщеславия или за компанию – из одних благородства своей натуры, верности дружбе и товариществу.

ПРАВИЛО № 4: Пушкин всегда примарывает штриховкой или просто размазанными чернилами профили персонажей, запятнавших себя участием в антигосударственных выступлениях, а также отметившихся неприличными, непорядочными поступками по отношению к нему самому. Подставивших. Обманувших. То есть замаравших в его глазах собственную репутацию. Если он приштриховывает изображение собственное, то понимает, что выглядит замаранным (к примеру, связью с декабристами) в глазах кого-то из важных для него людей.

Несмотря на наличие в сюите трех женских профилей, в ней нет мысли о любви в первом приходящем в голову смысле этого слова. «Заплаканный» возрастной женский профиль в верхнем левом углу сюиты – поистине левая, либеральная по взглядам Екатерина Федоровна Муравьева, мать и тетка многочисленных братьев Муравьевых и Муравьевых-Апостолов, а также Михаила Лунина. Ее дом в Петербурге многие годы был штабом занимающихся пропагандистской деятельностью продекабристских организаций.

ПРАВИЛО № 5: полные имена-фамилии персонажей-мужчин Пушкин обычно записывает печатными буквами или скорописью в линиях волос на их головах, а также в бородах и бакенбардах.

Два профиля вверху справа – в своем положении совершенно правые в стремлении если не спасти, то хоть как-то облегчить участь своих вскоре угодящих под царские репрессии родных и близких. Это – родная сестра Муравьева-Апостола Екатерина Ивановна Бибикова с таким же, как у ее брата, наполеоновским профилем. А также вскоре последующая за мужем на каторгу жена Никиты Михайловича Муравьева Александра Григорьевна, кстати, четвероюродная сестра самого Пушкина, с которой он перешлет всем сибирским сидельцам и своему лицейскому товарищу Пушину в частности послания «Во глубине сибирских руд...» и «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

ПРАВИЛО № 6: персонажи, располагающиеся в пушкинских сюитах слева – неправые по жизни, а в общественном смысле – либерально настроенные люди (чем радикальнее их либеральность – тем выше их изображение в сюите или на листе). Изображаемые на листе справа – по пушкинскому ощущению правые, поступающие правильно, справедливо по отношению к нему, самим себе и окружающим.

Эта сюита – личная оценка поэтом задумываемого его былыми приятелями. Как бы его впечатление, воспоминание о виденных им людях и событиях и слышанных в продекабристских бессарабских и одесских кругах разговорах, приведших к последствиям 1825 года. То есть, по сути, лишь указание на их время – до 1825 года. А точнее – в 1823 году, на что в сюите указывает собственно пушкинская деталь – факт его крупной одесской сентябрьской ссоры с еще одним его давним приятелем, начальником 1-го стола 4-го отделения воронцовского ведомства титулярным советником Дмитрием Петровичем Севериным (1792–1865). Отдаленным следствием ее стало то, что поэт в конечном итоге из Одессы попал в Михайловское, а не на революционную Сенатскую площадь.

ПРАВИЛО № 7: пушкинские сюиты всегда долговременны, как бы сериально сюжетны; время в них идет по часовой стрелке – слева направо.

Если это воспоминания, то время в них, естественно, «пятится», движется в обратную сторону.

Сюиту и открывает изображенный под всевидящим оком начальника Пушкина с Севериным, российского министра иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде, профиль императорского доносчика Северина. Его «бледное», узкобровое, как-то по-девичьи, слишком уж миловидное лицо Владимир Сысоев и принимает за чистые и благородные черты Екатерины Бакуниной.

ПРАВИЛО № 8: профили подчиненных Пушкин всегда изображает под профилями их начальников.

Большим лицом-маской, личиной Северина прикрывается конкретный собиратель информации о пребывающем в Одессе Пушкине для царя – французский эмигрант на русской службе, управляющий 3-й экспедицией Коллегии иностранных дел граф Иван Степанович Лаваль, в подчинении которого находится изображенный именно поэтому непосредственно под ним Сергей Иванович Тургенев. На Лавалья конкретно указывает буква «Л», в форме которой вырезан лацкан его дипломатического фрака.

В целом же более подробно разбирать эту сюиту – читать в линиях рисунков фамилии персонажей, сопоставлять профили с прижизненными портретами их прототипов и так далее – в данной работе не имеет смысла. Осталось разве что удивиться тому, что Владимир Иванович Сысоев полностью игнорирует пушкинскую подсказку у интересующего нас сейчас профиля Северина. Совершенно незамеченной им осталась достаточно типичная пушкинская шифровка – вписанное печатными буквами в утолщения линий ото лба до уголка губ профиля имя его владельца: *«Дмитрій»*. И, конечно же, скорописно начатая линией волос и продолженная печатными буквами в утолщениях линий глаза фамилия: *«Северинъ»*.

ПРАВИЛО № 9: текст в пушкинских рисунках приводится, понятно, в орфографии его времени – с непривычными нашему взгляду славянскими буквами «#», «і», а также «ъ» в конце твердо заканчивающегося слова. Правописание слов с этими буквами с неизбежностью придется изучить и усвоить.

Частичные имя и фамилия как бы заочно присутствующего здесь высокого начальника Дмитрия Северина читаются так же просто в его расположенном над северинским частичном же, естественно, профиле: от вертикально (над бровью) стоящей буквы «К» – по линиям глаза *«арль»*. Сама бровь – часть фамилии *«Несс[ельроде]»*.

Фрагмент ПД 834, л.3

Присутствует в этой сюите, кстати, и сам тайный заказчик информации о Пушкине. Всю когорту изображенных на этом листе персонажей предваряет находящийся в крайней левой позиции из-за лысины кажущийся особенно высоким заканчивающийся у переносицы буквой «А» и в целом очертаниями напоминающий римскую **единицу** лоб императора Александра I. Если и это не убеждает, прочтите под лупу имя «**Александр I**» в утолщениях самой линии лба.

ПРАВИЛО № 10: «разнокалиберные» буквы в линиях профилей пушкинских знакомцев фиксируются в самых разных положениях – нередко они не только перпендикулярны, но даже «стоят вверх ногами» друг относительно друга.

Профиль Северина в пушкинских сюитах встречается не однажды. Для примера привожу два достаточно показательных. Если при его профиле нет инициалов и букв фамилии, то обязательно есть **пиктограмма** – иронический родовой «герб» для этой личности. Ведь Северин – человек невысокого происхождения, сумевший выбиться в дипломаты благодаря семейным связям с сильными мира сего по поводу оказания услуг, так сказать, бытового характера.

ПРАВИЛО № 11: при многих пушкинских профилях встречаются нарисованные пером или волосными карандашными линиями пиктограммы – более мелкие изображения-подсказки, намеки на особенности личности портретируемого (его происхождение, профессию, увлечения, таланты, жизненные интересы...)

Пушкинский «герб» для дипломата Дмитрия Северина представляет собой изображение ножниц с половником и чиновничьим гусиным пером. Сумейте разглядеть этот «герб» в прическе Северина на листе ПД 831, л. 63, а также под нарочно размазанными «фамильными» ножницам, слегка заслонившими поварешку с пером, – в верхней части сюиты на листе 12 в ПД 834 (фамилия этого же прототипа нижнего профиля просто «запуталась» в его челке).

ПД 831, л. 63

Фрагмент ПД 831, л. 63

Фрагмент ПД 834, л. 12

Фрагмент ПД 834, л. 12

Фрагмент ПД 834, л. 12

Почему именно такой «герб»? А вспомните известную пушкинскую одесскую 1823 года уничижительную эпиграмму на этого персонажа – «отлуп» за укору во вмешательство в жизнь женщин «благородного семейства» баронессы Вельо, которых Дмитрий Северин считал своими близкими родственницами:

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин —
Таков об вас народный говор,
И дива нет – не вы один.
Потомку предков благородных —
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

(«Жалоба») (II, 287)⁹

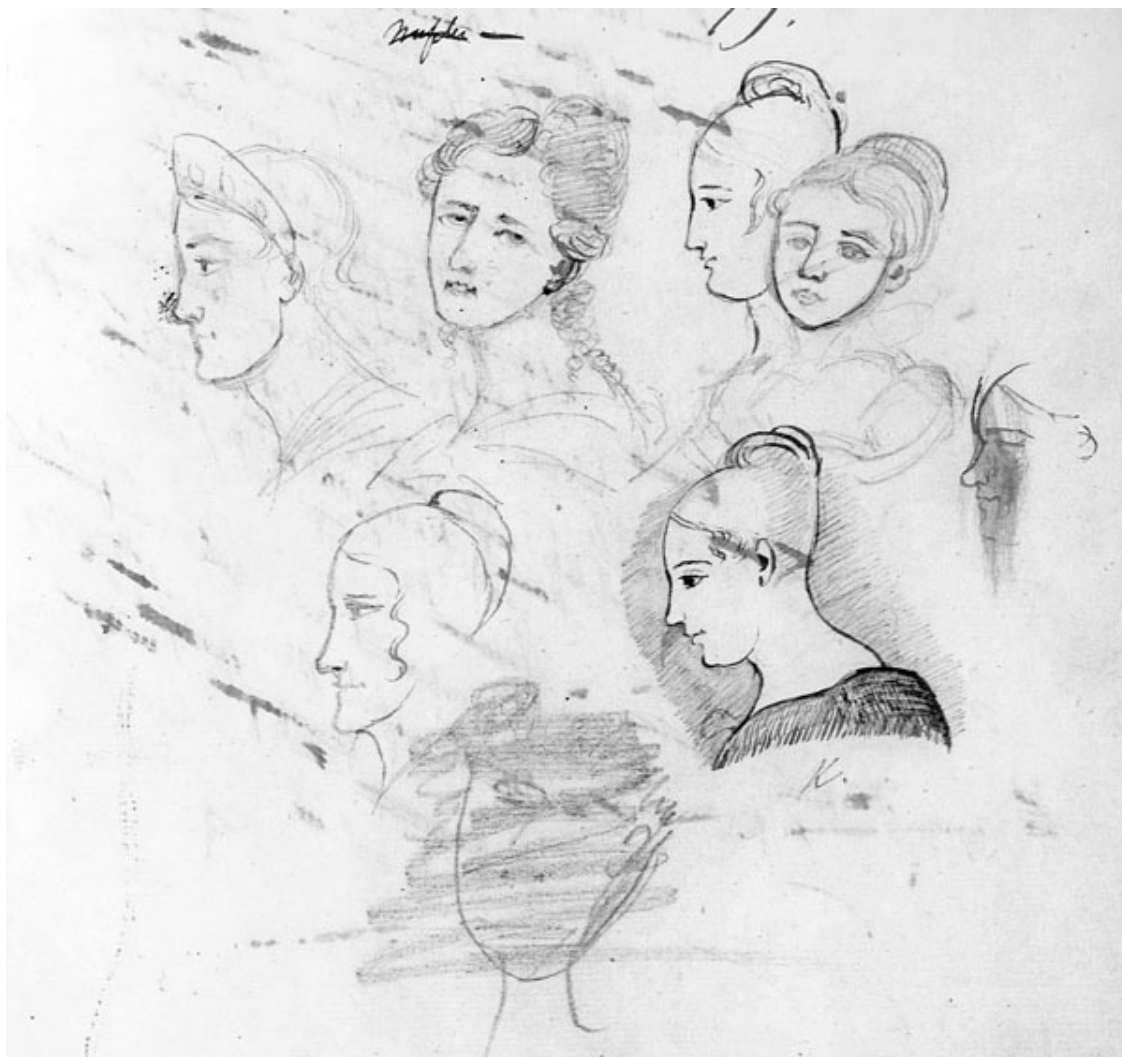
Пушкинские друзья знали, что вместо строк «И дива нет – не вы один» на самом деле следует читать «высокородный Северин». Точнее – «Северинъ», то есть без традиционного для тогдашнего написания в слове «с#веръ» «ятя». Ибо арзамасский Резвый Кот Дмитрий Северин, как это точно знает Пушкин, – этнический полунемец. А потому, несмотря на полное созвучие, русская фамилия его образована не от славянского корня «с#веръ», а от имени деда Дмитрия Петровича по отцу – гамбургского гражданина, коммерсанта Иоганна Арнольда Северина (ударение в последней трети имени, естественно, – на «и»).

Надеюсь, убедила, что к героине этого исследования Екатерине Бакуниной приведенный в книге Владимира Ивановича Сысоева профиль ровно никакого отношения не имеет? Ну, просто нечего нашей девушке в подобной «компании» пушкинских персонажей делать!

Но, спросите вы меня тогда, в каких иных рукописях Пушкина гораздо логичнее было бы искать портрет Екатерины? Разумеется, в относящихся к периоду начала самой его влюбленности в нее. То есть практически в ПД 829 – начатой им в 1817 году Лицейской тетради, в значительной мере заполненной черновиками песней поэмы «Руслан и Людмила».

И есть ведь в этой Тетради лист 50, на котором в поэтажном, по мнению ученых, «сердечке» располагаются портреты, как это трактуется во множестве повторяющих «догадку» Абрама Марковича Эфроса вполне признанных источников, знаменитых актрис пушкинского времени: Семеновой, Вальберховой, Истоминой, Колосовой с ее матушкой-танцовщицей Евгенией Ивановной...

⁹ Цитаты из произведений А.С. Пушкина приводятся по его Полному собранию сочинений в 16 томах – М., Л., АН СССР, 1937–1959. В скобках римской цифрой обозначается том, арабской – страница.

ПД 829, л. 50

Вот ведь как настоящая в этой галерее актриса, Екатерина Семеновна Семенова (1786–1849), пушкинистов в заблуждение вводит! Увидят открывающий «сердечную» сюиту ее профиль в сценической короне Клитемнестры – и сразу начинают смотреть сквозь «звездную» тему на весь этот рукописный лист. И прежде всего «бросаются» к самому яркому портрету этой сюиты, предполагая его прототипом соперницу Екатерины Семеновой по трагической сцене Марию Ивановну Вальберхову (1789–1867).

М.И. Вальберхова, художник В. Баранов¹⁰

Конечно, если задаться целью найти женщину похожего типа среди тогдашних актрис, то и портрет Вальберховой вроде бы к месту, несмотря на полное отсутствие сведений о каких-либо отношениях с нею у Пушкина. Однако рисовать актрис, даже и лично знакомых, просто так поэт не стал бы: как нет в его творчестве лишних слов, так не найти в его графике и бессмысленных рисунков. Более того, в разделении труппы и публики на сторонников Семеновой и Вальберховой Пушкин был явным представителем «партии Семеновой», хотя и одобрительно отзывался о комических ролях Вальберховой.

Но в принципе молодого поэта совсем не увлекала чисто театральная суеда. Не могли его долго удерживать возле себя и возрастные пусть даже и талантливые женщины: во время досылочного петербургского шастания Пушкина с его приятелем Севериным по-за сцени-

¹⁰ Баранов Василий. Портрет М.И. Вальберховой – http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/86/Valberhova_Maria.jpg

ческими кулисами Семенова старше него на 13, Вальберхова – на 10 лет. А изображенная на самом ярком рисунке сюиты на листе 50 женщина между тем – явно молода.

Да и уже нетеатральная соседка Семеновой по «сердечку» – вполне узнаваемая рядом ученых княгиня Авдотья Ивановна Голицына – должна бы, кажется, подсказывать, что собраны на этом листе царицы вовсе не тогдашней сцены, а молодой пушкинской души. И потому для нас гораздо логичнее было бы не вдаваться в театральные склоки пушкинского времени, а сопоставить портреты из этого «сердечка» с начальными именами женщин из полушутейного, но хронологически выверенного донжуанского списка, составленного самим поэтом на московской Пресне по просьбе сестер Ушаковых в 1829 году¹¹.

¹¹ Губер П. Донжуанский список Пушкина. – М., «Алгоритм», 2000, с. 43–44.

Глава 2. «Черты живые прелестной девы»

Открывается донжуанский список поэта двумя его первыми любовями – Натальей и Катериной Первыми. В том, что под «Катериной I» списка подразумевается именно Бакунина, среди пушкинистов спора, кажется, нет. Хотя само их «сердечко» на 50-м листе Лицейской тетради мне представляется больше похожим на петлю – «веревочный галстук» нашего начинающего Дон Жуана.

Короткий, неподвижный **конец** этой веревки – по сути, узел, **начало** собственно «петли» – Пушкин пометил буквой «**К**» под левым профилем девушки в **черном** платье (той, которую пушкинисты считают актрисой Вальберховой). Легко заметить, что эта буква совпала с начальной буквой имени его «списочной» пассии – **К**атерины I.

ПРАВИЛО № 12: цвета, фасоны и прочие особенности одежды персонажей сюит интересуют их автора только в исключительных случаях. Как особые приметы, которые должны помочь нам опознать человека, или указания на повод, особые обстоятельства его жизни, каким-то образом касающиеся жизни самого поэта.

Кажется, единственная в графике Пушкина девушка в **черном** платье встречается в его параллельных Лицейской тетради царскосельских дневниковых записях. Это – сестра его лицейского товарища Александра Бакунина Екатерина Павловна. *«Как она была мила! – записал еще даже не 16-летний Пушкин 29 января 1815 года. – Как **черное платье** пристало к милой Бакуниной»*¹².

Спустя много лет Александр Пушкин этим **платьем** фактически фиксирует **время** пробуждения своих чувств к его владелице. В лицейских стихах «**К живописцу**» он вроде как сожалеет о том, что подвластными ему средствами графики не отобразить всей прелести облика любимой, и обращается за помощью к более искусному в рисовании своему сопернику в борьбе за сердце Катерины Бакуниной – однокласснику Алексею Илличевскому:

Дитя Харит и вображенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;
Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку Душеньки прелестной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

¹² Вересаев В.В. Пушкин в жизни, т. I, с. 127.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу. (I, 174)

Однако признанный лицейский художник Илличевский не хочет уступать Пушкину первенства и на поэтическом поле – отвечает ему также стихотворением «От живописца» о тщете и собственных попыток запечатлеть на бумаге живое, летучее очарование их общей первой любви:

Всечасно мысль тобой питая,
Хотелось мне в мечте
Тебя пастушкой, дорогая,
Представить на холсте.
С простым убором Галатеи
Тебе я прелесть дал:
Но что ж? напрасные затеи —
Я сходства не поймал.

Все стер и начинаю снова.
Я выбрал образцом
Елену, в пышности покрова,
В алмазах и с венцом.
То ж выраженье благородства
Как и в чертах твоих;
Но погляжу – нет сходства —
Не стало сил моих.

Так! видно мысль одна дерзает
Постичь красу твою:
Пред совершенством повергает
Искусство кисть свою.
Амур всего удачней пишет
В сердцах твой милый вид,
А страсть, которой сердце дышит,
Навек его хранит¹³.

Поэтическое соревнование рисовальщиков завершилось в пользу Пушкина: лицеисты положили на музыку именно его стихи и певали их даже и по выходе из своего учебного заведения. Живописный портрет Бакуниной работы Илличевского не известен. Да и был ли он вообще? Но почему бы не сопоставить рисунок Пушкина на листе 50 Лицейской тетради с работой его с Илличевским современника и настоящего художника – карандашным портретом 16-летней Екатерины Бакуниной, выполненным Орестом Кипренским?

К 1811 году Орест Адамович был уже известным живописцем. Одно время он работал в Тверском Императорском Путевом дворце по приглашению его хозяйки, великой княгини Екатерины Павловны – родной сестры императора Александра I. Между прочим, полной

¹³ Сысоев Владимир. Поэта первая любовь, с. 15.

тезки нашей девушки, проживавшей в то время с матерью и младшим братом в Твери рядом со вхожим во Дворец тогдашним губернским предводителем дворянства, двоюродным братом отца Екатерины Александром Михайловичем Бакуниным.

Фрагмент ПД 829, л. 50

Е.П. Бакунина, художник О.А. Кипренский, 1811¹⁴

Именно такой, как на карандашном портрете работы Кипренского, сестру своего одноклассника Александра Бакунина Пушкин и должен был увидеть впервые. Комментарии к пушкинскому изображению Екатерины в том же возрасте, по-моему, даже излишни, но все-таки. Серьезный взгляд почти черных глаз удлинённого разреза. Брови вразлет. Высокий лоб. Правильный нос с чуть вздернутым кончиком, на рисунке Кипренского комплиментарно сглаженным. Мягкий, как бы чуть припухлый, женственный подбородочек. Ухо со сложным внутренним вырезом раковины – на пушкинском рисунке как будто чем-то заткнутым, залепленным: девушка его *не слышит, не хочет услышать?* Манера подбирать волосы. Какое-то общее ощущение особенной чистоты и свежести...

Если и это до конца не убеждает в том, что на листе 50 Пушкин изобразил именно Екатерину Бакунину, придется прибегнуть к «нанотехнологиям» – изучению на рисунке мелких, неявных деталей. То, что штриховки у Пушкина «говорящие», первым заметил академик Валерий Чудинов¹⁵. Забудем, что этот ученый муж насмешил пушкинистов своими попытками читать слегка пришифрованную поэтом информацию какой-то тайной руницей, тогда

¹⁴ Кипренский О.А. Портрет Е.П. Бакуниной 1811 года – <http://kartin.net/index.php?q=painters/kiprenskii-orest-adamovich/portret-e-p-bakuninoi-1811>.

¹⁵ Чудинов Валерий. Тайнопись в рисунках А.С. Пушкина. – М., «Поколение», 2007.

как на самом деле там – сплошь родная наша печатная кириллица, часто переходящая в более сложную для чтения скоропись.

ПРАВИЛО № 13: персонажи, изображенные без глаз и ушей, в черных очках и с заткнутыми ушами, – чего-то не видят или не слышат, не понимают или не хотят видеть, слышать и понимать.

Изначально же чудиновская мысль была совершенно верной: рисунки поэта и многих других людей пушкинской эпохи, включая некоторых профессиональных художников, надо не только разглядывать, но и читать. Причем не только профили и складки одежд персонажей, но и фон, штриховки. В этом занятии, конечно, «взять быка за рога», как это попытался сделать наш уважаемый в других отраслях науки ученый, удастся лишь тому, кто, как уже отмечалось, обладает достаточными знаниями о самом поэте и его творчестве, его окружении, исторических и бытовых реалиях его эпохи.

ПРАВИЛО № 14: линии профилей, складок одежд персонажей, а также штриховки на рисунках Пушкина – «говорящие»: их необходимо читать.

Особенности письма художника Кипренского – отнюдь не тема нашего исследования, а потому не стану и пытаться разбирать штриховки на карандашном портрете юной Бакуниной его работы. Рискну лишь предположить, что в годы его создания этому живописцу, как и всем родным, близким и знакомым Екатерины, актуально было разве что сожалеть о судьбе этой девушки благородного происхождения, оставленной ее беспечным покойным родителем практически бесприданницей.

В книге Владимира Сысоева рассказывается о том, что с 1797 года действительный статский советник (по-военному – генерал), а с 1800 – и камергер Высочайшего двора Павел Бакунин (1766–1805) управлял собственными 22 деревнями с 984 крепостными душами весьма нераспорядительно. Доходов с них не хватало даже на содержание его семьи с всего тремя маленькими детьми. Похоже, что еще менее распорядительно справлялся он со своими личными расходами. Словом, был Павел Петрович редкий мот и транжира.

Отставка Бакунина с поста директора Академии наук, на который его пристроила было на период своего двухлетнего отпуска по нездоровью его знаменитая родная тетка Екатерина Романовна Дашкова, вследствие не сложившихся отношений с академиками оставила его без приличного казенного жалованья. Какого, впрочем, проку от такого «хозяйственника» академикам и стоило ждать?

Последующее бесполезное лечение до кратковременной службы якобы вполне здорового Павла Петровича в течение шести лет за границей «целительными водами» лишило его семью еще и доставшегося ему от родителей дома в Петербурге на Миллионной улице. И какая-токая подлая хворь свела в могилу начавшего лечиться уже в 33-летнем возрасте вполне благополучного мужчину? Но, так или иначе, а после смерти Бакунина его семья осталась должна банкирам и «партикулярным лицам» более 40 тысяч рублей. Имена покойного главы семьи, естественно, были взяты под опеку.

Катя Бакунина осиротела в девять лет. Безоблачного, счастливого будущего для нее, вырастающей в красивую и талантливую девушку, не предвиделось¹⁶. Вот, пожалуй, и все важное и интересное, что в 1811 году Орест Кипренский в ее портрете мог нам о ней рассказать.

Пушкин начал рисовать Бакунину гораздо позднее, когда у нее накопилась уже представляющая интерес для окружающих биография. Поэтому в профиле Екатерины на листе 50 Лицейской тетради стоит попытаться прочесть штриховки ее платья и «шапочки» волос,

¹⁶ Сысоев Владимир. Там же, с. 8–11.

даже несмотря на далеко не идеальное качество воспроизведения «сердечной» сюиты в лучшем в своем роде издании графики поэта – вышеупомянутых «Рабочих тетрадях А.С. Пушкина».

Если бы мы могли пользоваться копиями рисунков Пушкина в их, так сказать, первоизданном, «неотфильтрованном» состоянии, то заметили бы на них множество интересных, весьма существенных для серьезного изучения его жизни подробностей в виде карандашных в основном штриховок и пиктограмм. Поскольку волей случая в одном из лучших пушкинских музеев страны мне повезло на ретушированных копиях некоторых пушкинских листов увидеть такие пиктограммы, я попытаюсь помочь разглядеть сквозь сеточку фильтра некоторые из них и вам. Начиная с профиля Екатерины Бакуниной из «сердечка», стану приводить для вас всю замеченную мною в пушкинских сюитах «мелочь» сразу, хотя объяснение каждому моменту мне придется давать порой даже в последующих главах. Сам Пушкин, увы, нисколько не заботился о том, чтобы посвящать нас в свои тайны постепенно, последовательно.

Фрагмент ПД 829, л. 50

Как видим на грубо, условно, по памяти ретушированном мною пушкинском рисунке, три первые буквы фамилии девушки – «Б», «а» и «к» вписаны в линии ее прически. Остальные достаточно просто читаются по линиям штриховки ее волос: «...унину Катерину». Три следующие ряда букв составляют слова «фрейлину двора и фаворитку императрицы Ели-

советы». Ибо Екатерина Бакунина и осталась в памяти современников любимой фрейлиной супруги императора Александра I Елизаветы Алексеевны.

Кстати, имя-фамилия Екатерины Бакуниной и большая часть важной для Пушкина информации о ней в этом рисунке (как, впрочем, и во всех других рисунках его сюит) записаны в нескольких вариантах. Я выделила для вас самый, на мой взгляд, явный, легче всего прочитываемый.

ПРАВИЛО № 15: словесная информация в пушкинских рисунках для подстраховки кодируется не по разу и располагается в самых разных местах, записывается самыми разными способами.

То, что Пушкин считает нужным зафиксировать на бумаге в связи с Екатериной Бакуниной, имело место **«25 Мая»** — так значится в буквах и цифрах в нарочитых **размазках** у завитков на виске ее профиля (как и на затылке, у носика, в линиях узла волос, в черноте платья...)

Эту же информацию в открытом, незамазанном виде можно прочесть в изгибах линии выразительной детали платья девушки — не имеющего функциональности, кажущегося на нем совершенно лишним **шнурка**.

ПРАВИЛО № 16: под «размазками» в рисунках Пушкина всегда прячется важная для него информация, которой он считает нужным делиться только с близкими людьми, осведомленными о подробностях его личной жизни.

Нужные нам сведения на нем начинаются с цифры **«25»** в коротком **обрывке** шнурка на шее профиля девушки у самого ее подбородка. Продолжается в слове **«Мая»** в раздвоенном, оборванном длинном его конце. Затем — в более крупными буквами выписанном ненормативном глаголе **«у...ъ»**, местоимении **«я»** в узелке шнурка и в идущих уже по нижней части штриховки платья словах **«въ дом# ея матери въ Царскамъ»**.

Крупно начертанная поперек плеча девушки та же самая дата — **«25 Мая»**, выхватываемые взглядом из «черноты» платья слово **«нахально»**, словосочетания **«вл#зь по ст#намъ»**, **«ея окошко»**... выдают смысл записанного здесь текста. Однако в подробностях мы прочтем его позже — в других рисунках, где он подан в той же лексике, но в менее завуалированном виде.

ПРАВИЛО № 17: особенности кроя, детали и разного рода украшения одежды персонажей пушкинских сюит всегда являются пиктограммами — очень важными подсказками, разгадками. Они рисуются в случаях, когда Пушкин считает, что вписанных в профили букв имен-фамилий недостаточно. Ему нужно, чтобы мы не просто опознали персонажа, но и поняли, в связи с чем он для него, автора рисунка, важен или интересен.

Бросается в глаза: Пушкина забавляет то, что в ненормативном глаголе **«у...ъ»** буквы **«Е»** и **«Б»** — инициалы Екатерины Бакуниной. Пушкин любил, как подтверждают многие его дневниковые рисунки, такие «игры слов». «Острое красное словцо — вот что несказанно тешило его», — подмечает, к примеру, в своих воспоминаниях о Пушкине Анна Керн¹⁷.

В целом же штриховка перед профилем со странным, без надобности болтающимся у выреза платья шнурком к нашей героине отношения не имеет. Краем глаза выхватываемые из нее слова **«...в Ницу и Парижъ»** подсказывают, что этот текст как бы связывает профиль девушки из верхнего ряда по имени Жозефина Вельо (Пушкин ее имя всегда пишет

¹⁷ Керн Анна. Воспоминания. Дневники. Переписка. — М., «Правда», 1989, с. 53.

с одной буквой «н») с затянувшим пушкинскую сюитную «петлю» узлом ее же изображением-призраком.

Мы сейчас не будем читать этот текст. Обратим внимание лишь на слегка протертый в передней штриховке у профиля Бакуниной второй **«призрак»** – находящийся как бы с его обратной стороны. Похоже, что это – неявное присутствие самого автора в том самом положении, в каком он изобразил себя на одном из соседних с «петлей-сердечком» листов Лицейской тетради, помеченном 1818 годом. То есть не относящимся к Екатерине Бакуниной? Во всяком случае, Пушкин, наверное, хочет, чтобы мы думали именно так. А поверить ему в этом или нет – решим для себя чуть позже.

ПД 829, л. 45

Штриховка за бакунинским профилем даже при беглом – частичном – прочтении выдает явно «наши» реалии: уже запомнившиеся нам дата «**25 Мая**» и топоним «**въ Царска#**». Фамилия «**Уманскаму**» и фраза «**я буду просить руку ея у матери ея**» подсказывают, что сюиту на листе 50 Лицейской тетради можно смело относить к 1827 году, когда вырвавшийся, наконец, из ссылки Пушкин собирается ехать из Москвы в Петербург к матери-Бакуниной свататься к ее дочери Екатерине.

Эту штриховку можно было бы уже теперь прочитать и всю, если бы она хотя бы не была двухслойной. Хорошо видно, к примеру, что относящийся к Бакуниной текст частично перекрывают огромные буквы фразы «*Я не у...ъ ея въ бес#дк#*», относящейся снова к Жозефине Вельо. В принципе, в бакунинском тексте при этом рисунке нет ничего из того, что не встретилось бы нам позже в других связанных с нею сюитах. Так что, пожалуй, этим пока и удовлетворимся.

Подумаем лучше над тем, чем именно знаменательна для поэта записанная им в бакунинском профиле дата **25 мая**? Конечно, это – канун его собственного дня рождения. Но не любого из семнадцати уже прошедших, а того, на который он, судя по всему, задумал себе преподнести бесценный подарок – решительно приблизиться к любимой девушке, во что бы то ни стало выказать ей свою любовь и серьезные матримониальные намерения. Но которого же все-таки года этот его день рождения? Если 1817-го, то ему, действительно, откладывать со своей задумкой больше некуда – близится выпускной акт и строгое, обязательное 11 июня, когда все выпускники должны покинуть стены Лицея.

Известно, что мать и дочь Бакунины присутствовали в Лицее на выпуске сына и брата. Оставались в Царском и после отъезда Александра в Петербург вместе со всеми отправившимися представляться в своих ведомствах назначенными на службу выпускниками. Поскольку просто, как свидетельствует одноклассник Пушкина Модест Корф¹⁸, имея собственный дом, в последние годы проживали там постоянно. Определив сына, Екатерина Александровна Бакунина (1777–1846) в очередной сезон присутствия на здешних дачах царского двора задумала решить судьбу и своей становящейся все более взрослой, самостоятельной, но не защищенной от жизненных невзгод дочери.

Екатерине исполнился 21 год, по тогдашним понятиям она уже чуть ли не старая дева. Из знатной, но недостаточно для великосветской жизни обеспеченной семьи. Стало быть, и при всех прочих личных достоинствах – без близкой перспективы составить богатую партию.

Что в таких случаях в кругу бакунинской ровни принято было делать? Конечно же, устраивать дочерей в царскую свиту – представлять их во всей красе на этой элитной ярмарке невест для самых завидных женихов империи. В молодости и сама мать-Бакунина, несмотря на свое более выгодное материальное положение, несколько лет, вплоть до своей свадьбы, служила фрейлиной у великой княгини Марии Федоровны. Ну, не на московскую же ярмарку невест ей, представительнице знатного рода Саблуковых, было для удачного выхода замуж податься? Ее отец Александр Александрович Саблуков при Павле I был сначала сенатором, затем – президентом Мануфактур-коллегии. При Александре I назначался членом Государственного совета и председателем Санкт-Петербургского опекунского совета, имел чин действительного тайного советника.

При нынешней императрице Елизавете Алексеевне с прошлого, 1816 года по, возможно, протекции теперь уже самой Екатерины Александровны Бакуниной, служит штатной фрейлиной ее родная младшая сестра – при таких же, как у Бакуниных, затруднительных материальных семейных обстоятельствах уже почти 30-летняя Софья Александровна Саблукова (1787–1875). Забегая вперед, замечу, что именно благодаря придворной службе она довольно скоро благополучно выскочит замуж – сделается княгиней Мадатовой.

Хотя бы из чувства благодарности к старшей сестре за такое почетное трудоустройство Софья Саблукова, скорее всего, будет стремиться рекомендовать в фрейлины и любимую племянницу Екатерину. Заодно угодив этим и царскому двору – украсив свиту императрицы молодой, внешне очень приятной да к тому же умной, образованной, хорошо воспитанной и подготовленной многоопытной матерью к придворной службе девушкой. В возрастной, в

¹⁸ Грот Я.К., Пушкин. Его лицейские товарищи и наставники. – М., Книжный Клуб Книговек, 2015, с. 245–246.

основном, свите самой по себе меланхоличной характером императрицы, на взгляд ее царственного супруга, так ведь не хватает живых, свежих, лучащихся оптимизмом, смотрящих на мир с интересом и любовью лиц. Рассудительная, здравая умом Екатерина и сама, вероятно, понимала, что в ее недостаточно уверенном материальном положении свита императрицы – самое подходящее поприще.

Владимир Сысоев в своей вышеупомянутой книге вполне справедливо отмечает, что причисление ко двору требовало в те времена долгих и упорных хлопот. Даже самых родовитых, богатых и талантливых девушек в услужение к царицам, великим княжнам и княгиням брали из семей с большим разбором. Как и при пострижении в монахини, от кандидатки требовалось серьезное обоснование своей решимости поступить на эту службу в своем цветущем, располагающем для брака и рождения детей возрасте. Такими причинами могли быть полное сиротство или бедность, невозможность от природы иметь детей или что-либо подобное. Претендентке на придворную должность необходимы были и такие личные качества, как музыкальность и владение иностранными языками, находчивость, предприимчивость, изобретательность, хороший вкус, артистизм, а также крепкое здоровье, неболтливость и неспесивость – то есть покладистый, нескандальный характер.

Вручение Бакуниной фрейлинского шифра, последовавшее 24 октября 1817 года, оказалось неожиданностью для многих. Даже Никита Михайлович Муравьев, родственник Бакуниных через жену двоюродного дяди Екатерины Александра Михайловича, был в недоумении. Пишет матери через неделю после назначения Екатерины: «Меня весьма удивило то, что вы пишете о Бакуниной. С какой стати произвели ее и каким образом – это весьма странно»¹⁹.

Быть может, новая фрейлина Саблукова через год придворной службы была у императрицы уже на хорошем счету – оправдала ручательство за нее старшей сестры? Да и саму Екатерину, прибегавшую во дворец в гости к своей тетушке-фрейлине, государыня имела возможность видеть не однажды. «Стать» же у племянницы Софьи Александровны была такая, что о ней молодой барышне своей будущей августейшей работодательнице и рассказывать-то неловко. Здорова. Не полная сирота. Не богата, но и не нищенка. А что в отсутствие для нее, бесприданницы, принца на белом коне мечтает не о семье, а о занятиях живописью, – это в те правильные времена способно было оставить в недоумении и заподозрить в неискренности любого. Не случайно ведь Елизавета Алексеевна при официальном представлении пожелала давно, видимо, нравившейся ей смущенной ее расспросами Бакуниной: «Прошу вас об одном, будьте чистосердечны»²⁰. Вскоре, впрочем, женщины подружились. И толковая, ко всем доброжелательная, умеющая найти подход к каждой из разных девушек маленького фрейлинского коллектива Екатерина стала любимицей, правой рукой императрицы.

Словом «**фрейлина**», которое Пушкин маскирует в штриховке профиля Бакуниной, он как бы констатирует факт уже состоявшегося определения Екатерины в свиту. Но значит ли это, что во время его близкого с этой девушкой общения идет май, по крайней мере, уже следующего – 1818 года? Вряд ли. Он называет Катерину фрейлиной, потому что рисует ее профиль еще позднее – когда осмысливает всю сюитную «петлю» событий своей молодости, чередой которых закончилась его высылкой на юг и связью с будущими революционерами.

Так, кстати, делают, вспоминая Екатерину, и его одноклассники. «Первую платоническую, истинно пиитическую любовь возбудила в Пушкине сестра одного из лицейских товарищей его (фрейлина К.П. Бакунина). Она часто навещала брата своего и всегда приезжала на лицейские балы. Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произ-

¹⁹ Сысоев Владимир. Там же, с. 49.

²⁰ Там же, с. 48.

водили всеобщий восторг во всей лицейской молодежи», – пишет Сергей Комовский, хоть и прекрасно знает, что в их с Пушкиным лицейские годы Екатерина фрейлиной еще не была²¹.

Если в своей «сердечной» сюите поэт осознает, что попался в «петлю», то это лишний раз подтверждает, что во время ее рисования идет примерно 1827 год. Вернувшись из ссылки, он готовит свою поэму «Руслан и Людмила» ко второму изданию. Попутно вспоминает – вновь переживает свою юность, во многих важных для него моментах зафиксированную в отступлениях поэмы. И старается посредством графики и карандашных записей в междустрочье и на свободном пространстве у рисунков в черновиках вкратце воссоздать, пока не забыл, в важнейших деталях свой личный дневник, который сжег в Михайловском в 1826 году из опасений навредить друзьям-декабристам.

Если заняться подробным изучением пушкинского пенькового донжуанского «галстука», то непременно обнаружится, что со всеми изображенными в нем женщинами поэт имел-таки самые близкие отношения. Да иные он просто не считал достойными быть зафиксированными в анналах своей памяти! В его сюиты ни одна женщина не попала просто так – как теперь говорят, за красивые глазки. А потому при знакомстве с листом 50 Лицейской тетради приходится верить фактографическому признанию Пушкина в том, что не без взаимности он был интимно близок и с княгиней Авдотьей Голицыной, и с графиней Натальей Кочубей (вероятно, уже в бытность ее Строгановой). Ведь лица этих своих пассий он подчеркнуто развернул к нам на три четверти – до почти полных анфасов.

ПРАВИЛО № 18: развернутость женских лиц от профиля до анфаса у Пушкина всегда означает степень удовлетворенности его и его пассии сложившимися у них интимными отношениями.

А вот бакунинский полный, ни на градус не развернутый профиль призван свидетельствовать о том, что 18-летний выпускник Лицея Пушкин в своих притязаниях по отношению к Екатерине явно поторопился. Если чего и добился, то более чем двухлетней настырностью да «гипнозом» своего блестящего ума. Это, как, впрочем, и грубая сила, понуждение – причина быстро проходящей очарованности. То есть того, что неиспорченную нравом и неразбуженную, пока еще «спящую» чувствами девушку Бакунину от него, ее слишком настойчивого ухажера, после случившегося-таки у них интима напрочь оттолкнуло.

Он осмысливает это с горьким сожалением в течение ряда лет. Сразу – в поэме «**Руслан и Людмила**», над которой работает с лицейских времен. Вместе со своим Русланом, везущим домой **спящую волшебным, неестественным сном** Людмилу, ввиду собственного неудачного любовного опыта с Екатериной вздыхает:

...без разделения
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоем. (IV, 66)

А саму Бакунину с тех самых пор рисует только со спины – отвернувшейся и удаляющейся от него. Как, впрочем, и от остальных своих лицейских воздыхателей.

²¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 томах. – М., «Художественная литература», 1974, т. I, с. 6.

Глава 3. «Эти уездные барышни!»

Сколько наиболее упорных поклонников было у Екатерины Бакуниной в Лицее, науке вроде бы хорошо известно: ТРОЕ – Пушкин, Илличевский и Пущин. Ее условное имя **Елена** зафиксировано впервые, похоже, пером Алексея Илличевского. Помните в его ответе «живописца»: «Я выбрал образцом // **Елену**...»? Кроме идентичной начальной буквы «Е» в именах эллинской красавицы и реальной девушки Бакуниной, для начитанных в античной литературе лицеистов важно также то, что Елена – красавица ТРОЯнская: в каком-то смысле отражающая собственную достаточно сложную жизненную коллизию троих одноклассников.

ПД 841, л. 81 об.

Ее Пушкин и отобразит на обороте чернового листа 81 в ПД 841 осенью 1829 года, когда вместе со своим приятелем Алексеем Николаевичем Вульфom будет гостить в имении его дяди Павла Ивановича Вульфа – селе Павловском Берновской волости Старицкого уезда Тверской губернии. На этом листе с единственной впоследствии зачеркнутой фразой «В одной из наших южных губерний...» он начинает обдумывать свою «**Барышню-кре-**

стьянку» из будущих «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», которую закончит через год – в сентябре 1830 года. Это будет уже в селе Болдине Нижегородской губернии во время пребывания поэта в холерном карантине, на несколько месяцев оттянувшем его свадьбу с Натальей Гончаровой.

В науке об этом пушкинском листе укоренилось, правда, другое представление. Но одно лишь присутствие рисующего Пушкина в Павловском вместе с Вульфом – вовсе ведь не достаточный аргумент считать профиль, изображенный на листе 81 об. справа от центрального, принадлежащим Алексею Вульфу, как некогда трактовал этот рисунок тверской пушкинист-художник Юрий Леонидович Керцелли²². А в повернутой к нам спиной девушке, уже в связи с якобы присутствием в сюите Алексея Вульфа, – еще меньше резона опознавать его пассию-кузину Анну Петровну Керн.

Хотя именно такая атрибуция обнаруживается и в вышедшей в авторитетной серии «ЖЗЛ» более поздней по времени книге все того же тверского краеведа Владимира Ивановича Сысоева «Анна Керн. Жизнь во имя любви». Причем, опираясь на мнение супруги художника Ларисы Филипповны Керцелли, автор книги предлагает нам согласиться с отнесением к Анне Керн не только изображения уходящей девушки, но и парных профилей в нижней части рассматриваемого нами «деревенско-павловского» листа²³.

А между тем, в соответствии с пушкинскими правилами рисования, **два разнонаправленных профиля на единой шее** могут означать только одно: что изображенные – **родные брат и сестра**. Сопоставив с этими профилями портреты примерных сверстников из пушкинского окружения, легко отыскать прототипы – брата с сестрой Бакуниных. Классический носик правого, девичьего профиля с индивидуализирующей облик особенностью – чуть вздернутым кончиком – в аккурат как на автопортрете Екатерины Бакуниной и в ее профиле на уже рассмотренном нами пушкинском листе 50 в ПД 829.

²² Керцелли Лариса. Тверской край в рисунках Пушкина. – М., «Московский рабочий», 1976, с. 82.

²³ Там же, с. 168.

Фрагмент ПД 841, л. 81 об.

Фрагмент ПД 841, л. 81 об.

Можно, впрочем, и не проводить широких портретных разысканий. Вполне достаточно взглядеться в буквы в линиях волос надо лбами изображенных на пушкинском «деревенском» листе и прочесть имена брата с сестрой Бакуниных: *«Александръ»* и *«Екатерина»*, а в «перечеркивающей» двойной профиль строке – их фамилию: *«Бакунины»*. На степень родства этих молодых людей указывают первые буквы их фамилии – «Б» и «А»: они целиком выписаны ювелирной мелкости буковками, подсказывающими, что изображенные – *«братъ и сестра»*.

А.П. Бакунин, художник П.Ф. Соколов²⁴

²⁴ Соколов П.Ф. Портрет А.П. Бакунина – <http://babanata.ru/wpcontent/uploads/2013/12/sokolov9.jpg>

Е.П. Бакунина, автопортрет, 1816²⁵

Нельзя не заметить также, что левый профиль крупнее правого. Это означает, что брат Александр младше своей сестры Екатерины. В.И. Сысоев в своей книге приводит, пожалуй, ошибочную дату рождения Александра – 1797 год. У Лазаря Абрамовича Черейского²⁶ стоит 1 августа 1799-го, что, кажется, более соответствует действительности. В 1811 году, когда

²⁵ Бакунина Е.П. Автопортрет. – <http://uryourpic.org/images/201405/5aeuhf9ibf.jpg>

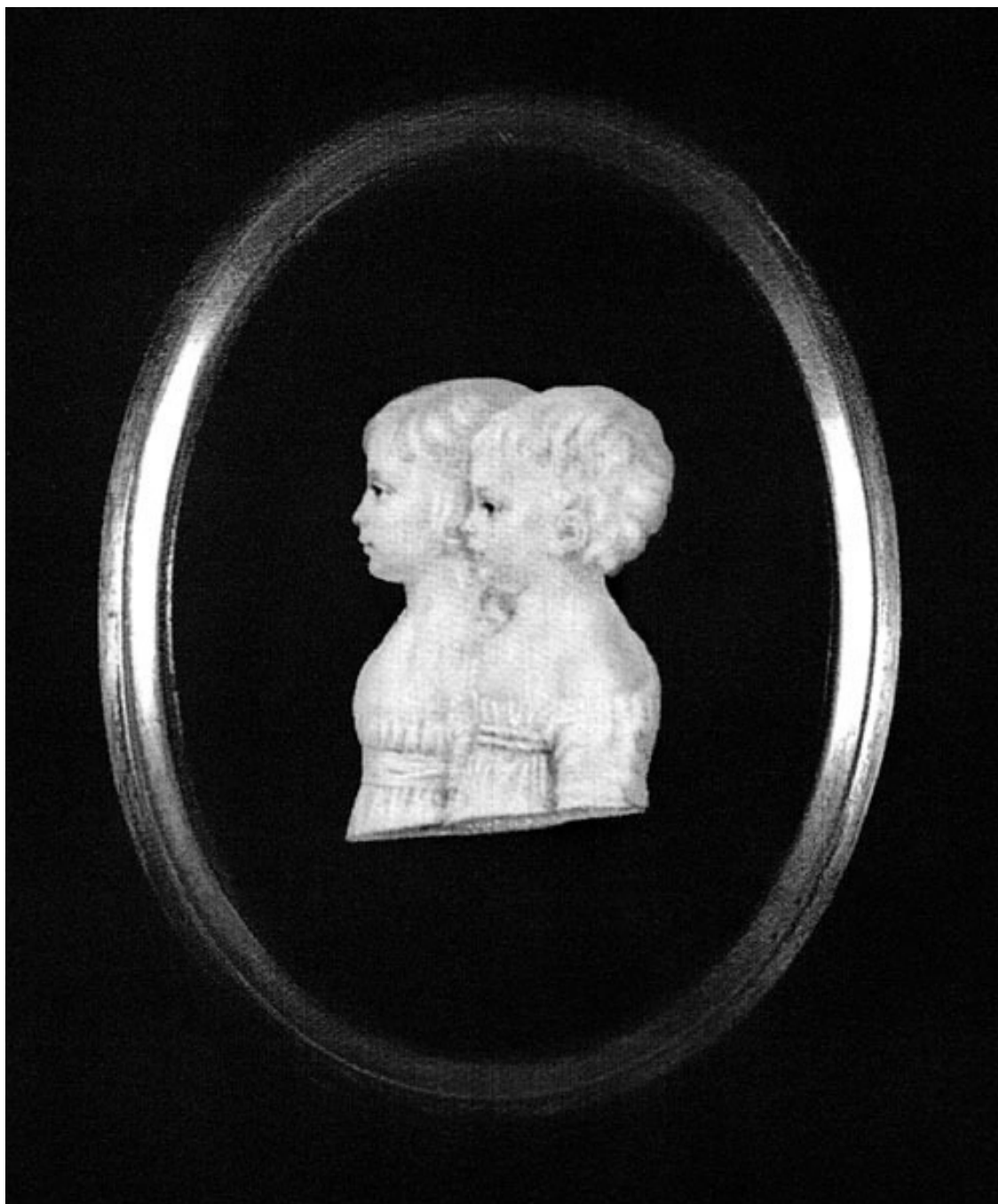
²⁶ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л., «Наука», 1989, с. 22.

Пушкин Екатерину впервые увидел, ей было уже 16, а им с ее братом Александром, тоже, в отличие от их более старших одноклассников – выпускников Московского университетского пансиона, «домашним» мальчиком, соответственно, – по 12 лет.

ПРАВИЛО № 19: два разнонаправленных профиля на единой шее однозначно указывают на то, что изображенные – родные брат и сестра.

Профиль Екатерины на листе 50 в ПД 829 и «деревенский» рисунок поэта на листе 81 об. в ПД 841 – явные свидетельства того, что в лицейские годы он хотя бы однажды побывал в доме Бакуниных в Царском Селе и видел там как карандашный портрет Екатерины работы Ореста Кипренского, так и миниатюрные, размером всего 4,5 на 3,5 сантиметра, профильные портреты на кости старших детей Бакуниных. Эту дорогую вещицу, констатирует Владимир Сысоев, родители-Бакунины заказали миниатюристу Клоду-Луи Везю во время своего пребывания за границей, вероятно, еще до рождения в 1802 году их третьего ребенка – сына Семена²⁷.

²⁷ Сысоев Владимир. Поэта первая любовь, с. 10.

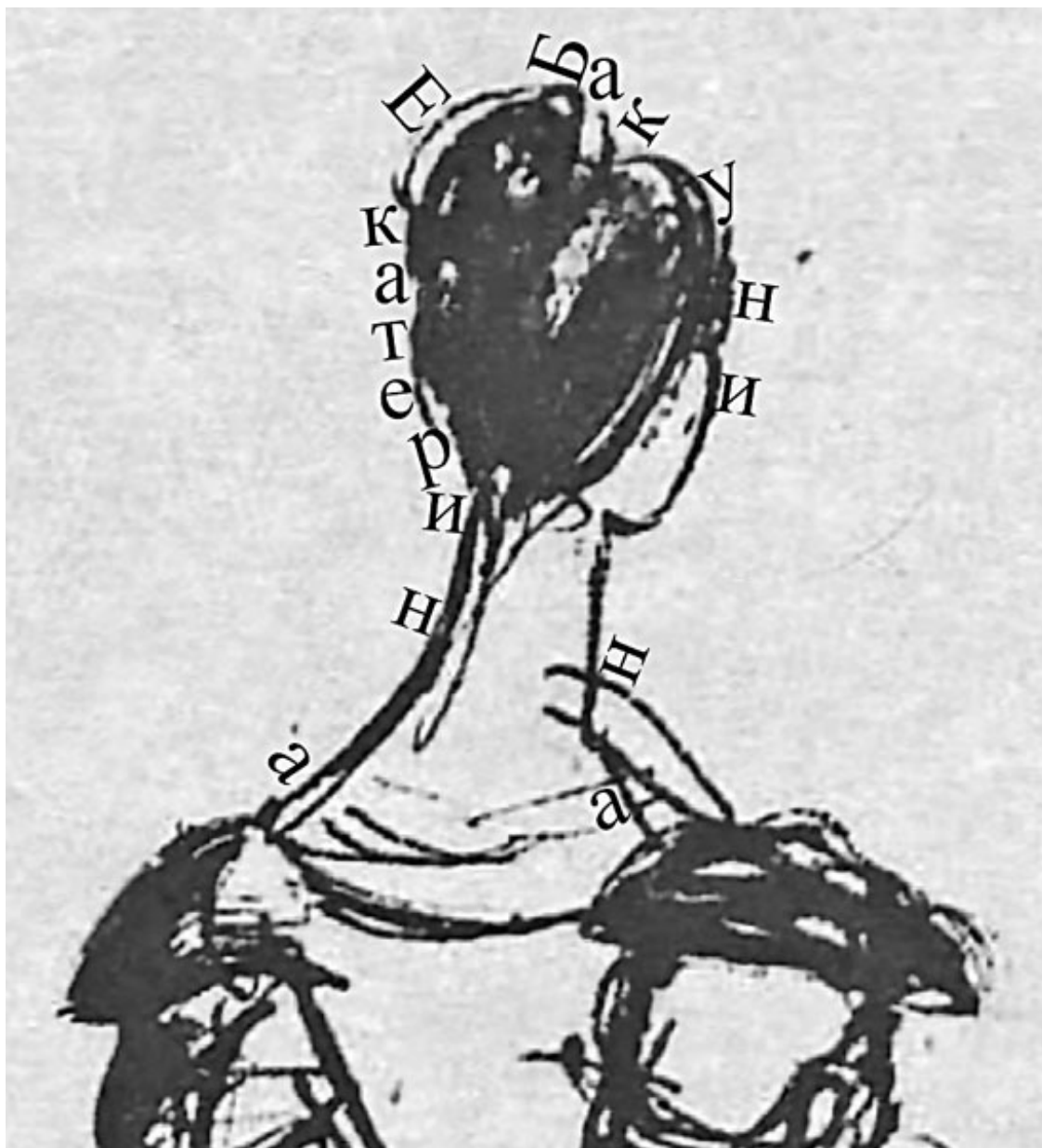
Дети-Бакунины, Миниатюра К-Л. Везю²⁸

О том, что уходящая девушка в центральном фрагменте сюиты ПД 841, л. 81 об. – взрослая Екатерина Бакунина, можно прочесть по сильно засекреченным – большей частью лишь краешками выступающим из черноты – буквам ее имени и фамилии. Они «стекают» каждое в свою сторону по контурам прически и высокой шеи девушки. В принципе, то же самое, но гораздо труднее прочитываемое, записано и в пышных оплечьях ее платья.

ПРАВИЛО № 20: анфасы и профили своих знакомых Пушкин чаще всего воспроизводит (копирует, карикатурит) по их широко известным живописным или графическим портретам.

²⁸ Везю К-Л. Дети-Бакунины. Там же, цветная вкладка.

Почему в 1829 году в вульфовском селе Павловском в мыслях поэта присутствует Екатерина Бакунина, объяснить довольно просто. Ведь всего в 27 верстах от этого селения и в 25-ти верстах от Бернова, где Пушкин со своим приятелем Вульфом у другого его дяди, И.И. Вульфа, тоже бывает, – собственно бакунинское родовое имение Прямухино, и в 35-ти верстах от Прямухина – Торжок. В двух последних Екатерина пусть нечасто, но достаточно регулярно гостит у своего дяди, двоюродного брата ее отца Александра Михайловича Бакунина. В Торжке, как правило, – в фрейлинские рождественские каникулы: балует столичными подарками своих многочисленных племянников и племянниц.

Фрагмент ПД 841, л. 81 об.

Но тогда отчего образ сестры лицейского товарища не выходит из ума поэта и в нижегородском Болдине осенью 1830 года? Если в нашем рассказе допустимо пошутить, то оттого, что он, занимающийся в своей вотчине в этот приезд решением хозяйственных вопросов, не может не видеть правоустанавливающих документов на свою родовую деревню, которая по-правильному называется **Е**Болдино. Первые буквы этого названия, совпадающие с инициа-

лами Екатерины Бакуниной, тут же воскрешают в его памяти «игру слов», которую сам он и затеял пару-тройку лет назад, когда рисовал профиль Екатерины в своей любовной «петле» на листе 50 старой Лицейской тетради.

ПРАВИЛО № 21: имя и фамилия персонажа, особенно женщины, могут быть записаны в линиях прически и одежды.

А если серьезно, то в обеих ситуациях – и в Павловском, и в Болдине – оттого, конечно, что забыть не может, как два года назад ровно об эту пору – 5 сентября 1828 года – впервые, как считает наука, после одиннадцатилетней разлуки встретился со своей давней любовью Екатериной. Произошло это на мызе Приютино под Петербургом на праздновании шестидесятих именин Елизаветы Марковны Олениной, урожденной Полторацкой (1768–1838) – родни Бакуниных.

О том, как выглядела Екатерина на этом празднестве, можно получить представление из портрета работы известного художника Петра Федоровича Соколова 1828 года и рисунка самого Пушкина в черновиках его повести, именуемой по ее первой строчке «**На углу маленькой площади...**», которую он начинал писать в 1830–1831 годах. В соответствующем месте нашего рассказа мы уделим внимание и чтению записанного в этом рисунке пушкинского текста.

ПД 841, л. 24 об.

Е.П. Бакунина, художник П.Ф. Соколов, 1828²⁹

А пока вместе с профессиональным портретистом Соколовым отметим на фоне излишне яркого румянца грустный взгляд запавших и со времен юности как бы даже выцветших, вылинялых темно-карих глаз 32-летней Бакуниной. Насильно, кажется, выдавливаемую ее губами улыбку. Да еще странную пусть и деликатно выписанную художником темную полосу на шее у подбородка, которую не менее корректный по отношению к своей любимой девушке Пушкин на своем рисунке прикрывает волнами стоячего прозрачного воротника ее платья, памятного ему еще по лицейской юности. В нем Екатерина, как мы должны были уже заметить, изображена и на ее автопортрете.

В этот раз Александр Сергеевич, конечно же, видел не соколовский портрет, а саму Екатерину и руководствуется живыми впечатлениями. Знаменитый уже поэт, в Приютине он снова смотрел на Бакунину снизу вверх – как влюбленный в богиню мальчишка. Похоже, и

²⁹ Соколов П.Ф. Портрет Е.П. Бакуниной 1828 года – <http://www.gogmsite.net/empire-napoleonic-and-roman/1828>.

сейчас она, даже искусственно нахмуренная и облепленная довольно громоздкими ювелирными украшениями, нравится ему ничуть не меньше, чем в ангельской простоте его лицейских лет.

Пообщаться в тот вечер с нею близко ему, похоже, не удалось. Неприступная свитская фрейлина уже второй в ее придворной карьере императрицы, Александры Федоровны, она на публике не выказала к нему, прощенному Николаем I всеобщему кумиру, ни малейшего интереса. Да к тому же и присутствовала у Олениных в сопровождении собственной 51-летней матери. Не в угоду ли ей сюда и приехала? Может быть, родня устала наблюдать неопределенность, неприкаянность личной жизни Екатерины и решила, наконец, сама заняться устройством ее судьбы – поближе свести ее с будущим мужем, уже лет пять вдовствующим родным племянником хозяйки Приютина Александром Александровичем Полторацким? И для внимательно изучающего на этом вечере «расстановку сил» Пушкина это матримониальное обстоятельство, видимо, не осталось тайной.

К моменту встречи с Бакуниной он уже знает, что и после кончины императрицы Елизаветы Алексеевны та не оставила службы при дворе. То, что эта служба для нее продолжалась вплоть до ее свадьбы в 1834 году, косвенно подтверждает и, в частности, бывший лицеист Модест Корф, который пишет об уже замужней Екатерине: «Она похоронила себя где-то в деревне. Этот брак лишил ее фрейлинского жалованья 3900 рублей ассигнациями. Но, по отзывам близких, они счастливы»³⁰.

Жалованье бакунинское, как попутно выясняется, было далеко не скудное. Обычно фрейлине, отмечает в своем исследовании быта монархов профессор Игорь Викторович Зимин, платили в год всего тысячу, а здесь деньги, по крайней мере, обер-гофмейстринские или даже статс-дамские³¹. Но для Пушкина придворная служба Екатерины интересна лишь как подтверждение того, что его любимая девушка до сих пор не замужем!

Ничто, кажется, не мешает ему мечтать о ней осенью 1830 года в Болдине при дописывании повести «Барышня-крестянка». После разбередившей душу приютинской встречи с Бакуниной ему живо припоминается лицейская юность и взволнованность первого чувства к своей «уездной» пассии. Ведь после смерти отца стесненная в средствах семья его девушки подолгу жила в более дешевых для нее в сравнении со столицей Твери с ее уездным Торжком и в совсем, как теперь говорят, бюджетном новоторжском Прямухине. И, создавая образ героини своей «барышни-крестянки» Елизаветы Муромской, взрослый, тридцатидвухлетний поэт светло вздыхает: *«...Те из моих читателей, которые не жили в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянными нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближайший город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями; но шуточки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность (individualite), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы».* (VIII, 110)

В «Романе в письмах», который Пушкин начинает также осенью – зимой 1829 года, после пребывания в вульфовском селе Павловском, мысль о прелести уездных барышень

³⁰ Сысоев Владимир. Там же, с. 68.

³¹ Зимин Игорь. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. – <http://statehistory.ru/books/Detskiy-mir-imperatorskikh-rezidentsiy-Byt-monarkhov-i-ikh-okruzhenie/39>.

связана с Лизой – перебравшейся из столицы к бабушке в деревню сиротой благородного происхождения, воспитанницей богатой княгини. Не случайно он и называет эту свою героиню точно так же, как барышню Муромскую, – Елизаветой.

Прибывший ради Лизы в провинцию ее поклонник, гвардейский офицер Владимир, делится с другом в письме: *«С Лизой вижусь каждый день – и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть выш.^{<его>}петербургского общества, а между тем – что-то живое, снисходительное, добродородное (как говорит ее бабушка), ничего резкого, жесткого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок перед ревен^{<ем>}. Она слушает и понимает – редкое достоинство в наших женщинах... Кроме Лизы есть у меня для развлечения <Машинька ***>. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там – мнения своих мужьев»*. (VIII, 55–56)

Как вам, между прочим, – пушкинский «камешек в огород» присутствовавшей на оленинском празднестве с царскосельских лет неблагоклонной к поэту матери-Бакуниной? А также, конечно, и ее до сих пор в ущерб себе послушной дочери – самой Екатерины?

Стоит также иметь в виду, что праздник в Приютине проходит в памятный Пушкину еще по лицейским временам табельный день, когда занятия в классах официально отменялись в честь именин императрицы Елизаветы Алексеевны. Кстати, наверное, будет вспомнить биографический эпизод 1814 года, когда 15-летний Пушкин со своими друзьями Пушчиным и Малиновским отмечали это царичьино 5 сентября собственноручно изготовленным «гогелем-могелем» с ромом. За что вместе с их «пособником» дядькой Фомой по-серьезному попали «под раздачу». Дядьку, понятно, с должности при детях уволили, а фамилии провинившихся лицеистов вместе со строгим порицанием в их адрес записали в призванный оказывать влияние на их дальнейшую судьбу «кондуит». В придачу к этому наша веселая троица еще и две недели во время вечерней молитвы в назидание остальным простаивала на коленях...

Но только ли этими собственными отроческими проказами мило Пушкину «царственное» имя «Елизавета»? Символом императрицы Елизаветы, как отмечает Леонид Матвеевич Аринштейн, считалась роза³². Ассоциируя императрицу с этим «царственным цветком», свиту ее фрейлин, стало быть, следует ассоциировать с букетом из более мелких роз. В своем «деревенском» рисунке ПД 841, л. 81 об. Пушкин не случайно ведь изображает розу стелющейся стеблем по **затылку** Екатерины Бакуниной – девушки из **свиты** царицы.

И если в своих адресованных фрейлине Н.Я. Плюсковой стихах 1818 года он *«Елисавету втайне пел»*, то в придачу к политическим смыслам, которые видит здесь Нина Забабура³³, явно имел и намерение личного порядка, обращенное вовсе не к императрице:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить

³² Аринштейн Леонид. Пушкин. «И про царей и про цариц». – М., «Игра слов», 2012, с. 14–18.

³³ Забабура Нина. «Елисавету втайне пел» // «Я вас любил...» Музы великого поэта и их судьбы. – М., «АСТ-ПРЕСС», 2011, с. 53–65.

Стыдливой Музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету **втайне** пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная Свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был **эхо русского народа**. (II, 65)

Если без предубеждения вдуматься в текст этого стихотворения, становится понятно, что автор его стремился выразить прежде всего неизменность, непреходящесть своего чувства к собственной девушке – обожающей свою царственную работодателяницу ее фрейлине и фаворитке Екатерине Бакуниной, с которой его связывает свободная любовь (по крайней мере, с его стороны). В этом и состоит вся его «тайна», ибо воспевание поэтами царственных особ в те времена не только разрешалось, но и всячески приветствовалось. «Неподкупный голос» Пушкина в хоре воспевателей, как сам он подчеркивает в стихотворении, – лишь «**эхо русского народа**», которое, как известно, не способно отразить звук в его первоизданной точности.

Давно замечено, что Пушкин не пишет подробных портретов своих героев. Облик явно милой ему Лизы Муромской – героини его повести «Барышня-крестьянка» – дает нам тоже всего несколькими штрихами. Но разве их с той же уверенностью нельзя отнести и к Кате Бакуниной пушкинского раннего лицейского периода? *«Ей было 17 лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо... Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам мисс Жаксон»*. (VII, 111)

Если кажется, что индивидуализирующий облик Екатерины черт в пушкинской повестушке маловато, можно полюбоваться графическим портретом этой его девушки в черновиках первой главы «Евгения Онегина» в Первой Масонской тетради (ПД 834). Здесь поэт нарисовал Бакунину, очевидно, году в 1830-м или даже позже, когда поставил в романе последнюю точку и стал готовить его полную версию к печати.

Почему – именно здесь? Скорее всего, чтобы синхронизировать время написания этой главы романа о современной жизни с возникновением замысла повести «Барышня-крестьянка» по прочтении изданного в Англии в 1824 году единственного также построенного на современном материале романа Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды». А также подчеркнуть, что на написание обоих произведений о современной жизни его вдохновила одна и та же его любовь – Екатерина Бакунина.

Но, резонно возразите вы, этот роман Вальтера Скотта на русском языке вышел в свет только в 1828 году. Верно. Однако похоже, что Пушкин читал эту модную взятую в Тригорском книжку еще на английском зимой 1824–1825 года. А завез ее туда прибывший на летние каникулы к своей книгочке-матери из Дерпта студент Алексей Вульф. В написанной явно уже в 1825 году XLIII строфе четвертой главы «Евгения Онегина» об этом говорится следующее:

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой

Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. SCOTT... (VI, 91)

Если фамилия придворного священника Наполеона Доминика Прадта в стихе написана по-русски, то это значит, что и читал его мемуары владеющий французским языком в совершенстве Пушкин в переводе. Написание же фамилии Вальтера Скотта по-английски – явное свидетельство того, что новый роман этого автора читан Пушкиным на языке оригинала.

Свою вечную «принцессу» Екатерину наш принц страны российской поэзии разместил на листе 20 – у строфы LIV на, так сказать, деревенскую тему:

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль **верная жена**. (VI, 27)

От узелка у лба по контуру головного платка и шее девушки бегут буквы, называющие ее имя: «**Екатерина**». По груди и рукавичку платья вроде как средневековой принцессы – фамилию: «**Бакунина**». Девушка **сидит, сложив руки** на коленях. То есть, во время южной ссылки автора романа, когда писалась его первая глава, все еще **бездействует, сидит в девках** – не выходит замуж. Платок (или **чепец?**) «верной жены» на ее голове запечатлел пушкинскую иронию насчет того, что Бакунина дожидается **возвращения к ней** именно **ЕГО**, **своего первого мужа**, кем он себя по отношению к ней явно считает.

ПД 834, л. 20

ПД 834, л. 20

Буквы, бегущие от все того же узелка по головному платку к плечу, подсказывают второе – литературное – имя этого персонажа: **«Елизавета»**. А бегущие по линии спины – ее фамилию: **«Муромская»**. Линии подола платья девушки указывают на ее литературный статус: **«барышня-кр#стьянка»**, а теснящиеся между узелком и волосами у лба – выдают крестьянское имя, которое Лиза Муромская себе придумала: **«Акулина»**. И рядом – очень

мелко и тайно – важная для Пушкина, фиксируемая им практически на всех связанных с Бакуниной рисунках событийность: «**Я у...ь ея 25 Мая**». Ее можно даже не «выпутывать» из линий волос, а просто угадать, заметив в последней строчке кудрей местоимение «ея» и цифру «25».

Что же до мисс Жаксон, то Пушкин вряд ли знает такую подробность из жизни своей любимой девушки, как фамилия ее настоящей эдинбургской гувернантки. Несмотря на то, что Екатерина Бакунина вполне могла упоминать ее в их разговорах. Ведь под руководством именно этой своей воспитательницы она 10-летней девочкой во время своего двухлетнего вынужденного пребывания в Англии с семьей, пытающейся поднять на ноги парализованного отца, не только в совершенстве овладела английским языком, но и научилась рисовать, как свидетельствует ее детский альбом, карандашом и акварелью, сепией и сангиной. И явно в честь Екатерины мадам Лизы Муромской в повести – англичанка, а не, как водилось тогда в большинстве дворянских семей, француженка. И с добродушной иронией обрисован отец Лизы – англоман.

Определенный интерес представляет и то, что галлизированная шотландская фамилия Жаксон под пером Пушкина в творческий сезон 1830 года возникнет вскоре и вторично. «Весельчаком **Джаксоном**» в своей законченной в ноябре маленькой трагедии «**Пир во время чумы**» Пушкин назовет персонажа, поминальную речь по которому будет держать Молодой Человек без имени – явно «авторское» действующее лицо:

...я напомним
 О человеке, очень нам знакомом,
 О том, чьи шутки, повести смешные,
 Ответы острые и замечанья,
 Столь едкие в их важности забавной,
 Застольную беседу оживляли
 И разгоняли мрак, который ныне
 Зараза, гостя наша, насылает
 На самые блестящие умы.
 Тому **два дня**, наш общий хохот славил
 Его рассказы; невозможно быть,
 Чтоб мы в своем веселом пированьи
 Забыли **Джаксона**! Его здесь кресла
 Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака – но он ушел уже
 В холодные, подземные жилища... (VII, 175)

Этой речью поэт поминает собственного дядюшку-галломана Василия Львовича, которого похоронил в Москве **два месяца** назад. Несмотря на то, что по жизни Пушкин любил прикалываться над по-своему чудаковатым стариком, он все равно признавал его для себя если не учителем, то в некотором роде идеей, примером, способом существования в иной – поэтической – реальности. Маленькая Катя Бакунина училась у своей английской гувернантки рисовать и далеко ее в этом превзошла; Пушкин, пародируя творения своего дядюшки Василия Львовича, научился слагать несравненно более совершенные стихи. И когда широко известный в светских кругах стихоплет Василий Пушкин вслух признал талант подрастающего родственника и назвал его «братом» по Парнасу, юный поэт ответил ему уважительными стихотворными строчками:

Я не совсем еще рассудок потерял

От рифм бахических – шатаюсь на Пегасе —
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет – вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.
(«Дяде, назвавшему сочинителя братом») (I, 204)

Но о ком или о чем говорит, кого или что напоминает Пушкину фамилия Жаксон или Джаксон в связи с Екатериной Бакуниной? О не таком уж примечательном, на посторонний взгляд, событии, имевшем место в жизни поэта более чем за два года до его первой болдинской осени. Как рассказывает Леонид Матвеевич Аринштейн, 25 мая 1828 года, накануне 29-го дня собственного рождения, Пушкин вместе с Вяземским, Грибоедовым, Николаем Киселевым и братом с сестрой Олениными принимает участие в увеселительной прогулке на пироскафе в Кронштадт³⁴.

На следующий день после этой поездки князь Петр Андреевич Вяземский отписывает жене: «Наконец, вчера совершил я свое путешествие в Кронштадт с Олениными, Пушкиным и прочими... Туда поехали мы при благоприятной погоде, но на возвратном пути, при самых сборах к отплытию, разразилась такая гроза, поднялся такой ветер, полился такой дождь, что любо. Надобно было видеть, как весь народ засуетился, кинулся в каюты, шум, крики, давка...

Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь. У меня в глазах только одна картина: англичанка молодая, бледная, новобрачная, прибывшая накануне с мужем из Лондона, пострадавшая во все плавание, страдает и на пароходе. Удивительно **милое лицо**, выразительное. Пушкин нашел, что она похожа на **сестру игрока des eaux Ronan**.

Они едут в Персию, он советник посольства, недавно проезжал через Москву из Персии... поехал жениться в Англию вследствие **любви нескольколетней** и теперь опять возвращается. И он красивый мужчина и, по словам Киселева и Грибоедова, знавших его в Персии, очень милый и образованный человек, а жена – **живописная мечта**.

Представившаяся Пушкину романтической героиней «Сент-Ронанских вод» Вальтера Скотта Кларой Моубрей молодая англичанка в глазах пушкинского «остряка замысловатого» князя Вяземского – «живописная мечта», скорее всего, просто оттого, что она – художница с модельной, как теперь говорят, внешностью. В ее творческих способностях Пушкин мог убедиться в ходе своего дальнейшего знакомства с супругами Кемпбеллами во время их полуторамесячного пребывания в Петербурге.

Но чем англичанка напомнила Пушкину Клару Моубрей еще там, на пироскафе? И чем запала в душу поэта сама эта вальтер-скоттовская героиня? Да тем именно, что многими своими чертами она и чисто внешне, и по своему дедовско-«сенаторскому» родству, и по душевному устройству так напоминает его первую любовь Екатерину Бакунину!

Внешность у романной дочери **покойного лорда, художницы и вышивальщицы**, для Пушкина примечательная. Как утверждает формировательница мнений сент-ронанского водяного общества леди Пенелопа Пенфезер, у нее лицо совершенно в сентиментальном духе – **античное лицо и «глубоко запавшие глаза. Кто знает, быть может, горести тому виною. Но из какого дивного мрамора изваяны ее черты! Над глазами – дуги черного агата, нос прямой, а рот и подбородок совершенно греческие. Роскошные длинные гладкие черные волосы, и ни следа краски в лице, ни следа...** Если бы она решилась прибавить **самую капельку румянца**, она, пожалуй, могла бы сойти за красавицу»³⁵.

³⁴ Аринштейн Леонид. Пушкин: «Когда Потемкину в потемках...» – М., «Грифон», 2012, с. 33–36.

³⁵ Здесь и далее цитаты приводятся по книге: Скотт Вальтер. Сент-Ронанские воды. – http://webreading.ru/adv_adv_history/valter-skott-sent-ronanskie-vodi.html

Характер у героини «Сент-Ронанских вод» тоже для Пушкина примечательный. **«Вынужденная водиться с теми, с кем водится ее брат»,** она, по словам ворчливой хозяйки местной гостиницы, **«носится взад и вперед с разодетыми в пух и прах болтунами, ...здоровается с ними за руку и не отстаёт от них в танцах и потехах».** Воспитание Клара получила **«из собственных рук».** Книжки читала те, что **«находила в библиотеке, набитой старыми рыцарскими романами, общество у нее было случайное, друзья – кто попало».** Неустойчивость ее настроения романтический местный доктор объясняет нервами, ипохондрией: **случайные порывы легкомыслия сменялись у нее долгими промежутками печали.** Хотя тому же водяному обществу, по словам доктора, «ее легкомыслие казалось гораздо большим, чем было на самом деле. Потому что ей никогда не приходилось испытывать сдерживающего влияния подлинно хорошего общества, и она несправедливо презирала то, с которым ей по временам приходилось сталкиваться. Поэтому она одевалась, вела себя и судила по-своему, и хотя ее наряды, манеры и мнения удивительно шли ей, они, как венок Офелии и обрывки ее странных песен, должны были по сути дела вызывать сострадание и грустные чувства, а не только забавлять окружающих».

Вся странность поведения этой девушки объяснялась мучительными для нее воспоминаниями о двух случаях из ее жизни, на основе которых Пушкин в Болдине построит свои повести «Метель» и «Барышня-крестьянка». Своими «растоптанными и схороненными в самую пору цветения» надеждами сама Клара в разговоре с молодым человеком, с которым в молодости решалась было сочетаться тайным браком, называет то, что **они оба тогда «захотели стать мужчиной и женщиной на пороге детства».**

Англия, дочь покойного лорда, живопись и вышивание, сестра игрока, милое лицо, нескольколетняя любовь... Роскошные черные волосы, бледность, грустные запавшие черные глаза, веселье с товарищами брата, редкие порывы легкомыслия и долгая печаль... О ком еще, кроме Екатерины, сестры своего товарища по лицейским играм Александра Бакунина, Пушкин, «дуюсь» и «хмурясь», мог думать на палубе 25 мая – в одиннадцатилетнюю годовщину своей единственной близости в царскосельском 1817 году с этой давно и по-настоящему любимой им девушкой? Тем более что здесь, на пироскафе, ему приходится играть роль ухажера Анны Олениной – девушки, которую он не любит, но считает для себя подходящей партией ввиду того, что Бакунина с тех самых царскосельских времен не хочет его знать, а надо же и ему когда-то жениться. Ну, хотя бы назло своей гордычке Екатерине!

Он начал встречаться с Анной Алексеевной только в апреле 1828 года. Пытался ее полюбить, но не получалось. Как отмечал 7 мая ежедневно общавшийся с ним в то время Вяземский, «Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен». Со времени этой морской прогулки каждая новая встреча с Анной Олениной неизбежно напоминает ему о молодой миловидной художнице-англичанке **Грейс Элизабет** Кемпбелл, которая сразу сассоциировалась у него с его собственной черноглазой художницей, фрейлиной императрицы **Елизаветы** Екатериной Бакуниной. Напряженность в отношениях Пушкина с Олениной все возрастает и к осени, вскоре после юбилея матери Анны, на котором поэт встретился с Бакуниной вживую, приводит сформировавшуюся в глазах окружающих пару к полной отчужденности.

Через год по заимствованному в «Сент-Ронанских водах» Вальтера Скотта сюжету Пушкин начинает с собственной леди Екатерины Бакуниной лицейского периода живописать 17-летнюю барышню-крестьянку Акулину. Героиню своей повестушки он называет Елизаветой – Лизой, которую отец ее на английский манер зовет «Бетси» – уменьшительное от «**Элизабет**». А гувернантке Лизы, соответственно, достается имя «мисс Жаксон» – по имени **Люси Джаксон**, реальной камеристки все той же незабвенной для поэта молодой леди Кемпбелл. Реальное имя служанки он вычитал в каком-то из июньских номеров «Санкт-Петербургских ведомостей». В них трижды сообщалось об отъезде капитана Кемп-

белла, секретаря Великобританской миссии при Персидском Дворе, с супругой и двумя служанками, Елизаветой Планта и Люси Джаксон, за границу.

Глава 4. ...А бакунина «к нам без интересов»

Однако вернемся все же к нашей троице лицейских воздыхателей Екатерины Бакуниной – прототипа героини «Барышни-крестьянки». Непосредственность, остроумие, живость характера, даже некоторая, с позволения сказать, стервозность в придачу к внешней привлекательности Лизы Муромской – это обязательные черты девушки, способной понравиться Пушкину. Как считала опытная в амурных делах Анна Керн, в женщинах его очаровывали «остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему понравиться не раз привлекало внимание поэта гораздо более чем истинное и глубокое чувство, им внушенное»³⁶.

Екатерину Бакунину просто кокеткой, пожалуй, не назовешь. Отмечаемая лицеистами ее «очаровательность обращения» – это, вероятно, особая коммуникабельность нашей девушки, умение расположить несоциализированную, выросшую в закрытом учебном заведении молодежь к общению. Ее «сестринская» заботливость, понятливость, способность найти к каждому из пареньков свой подход, всем показаться внимательной, легкой и приятной.

³⁶ Керн Анна. Воспоминания, с. 53.

стр 56

Е.П. Бакунина, художник П.Ф. Соколов, 1816³⁷

Эту особенность характера Екатерины удачно отразил в ее портрете пушкинско-лицейского периода все тот же художник Петр Федорович Соколов. На нем милая лучеглазая целомудренно одетая и причесанная девушка поддерживает за крылышко скульптурную фигурку целящегося как бы в нее амурчика, восседающего на собаке. Животное явно припадает на передние лапы, прижав уши и задрав хвост. Эта статуэтка – не «символ верности в любви»,

³⁷ Соколов П.Ф. Портрет Е.П. Бакуниной 1816 года – <http://f-picture.net/lfp/s007.radikal.ru/i302/1011/e2/352c6277d07a.jpg/htm>.

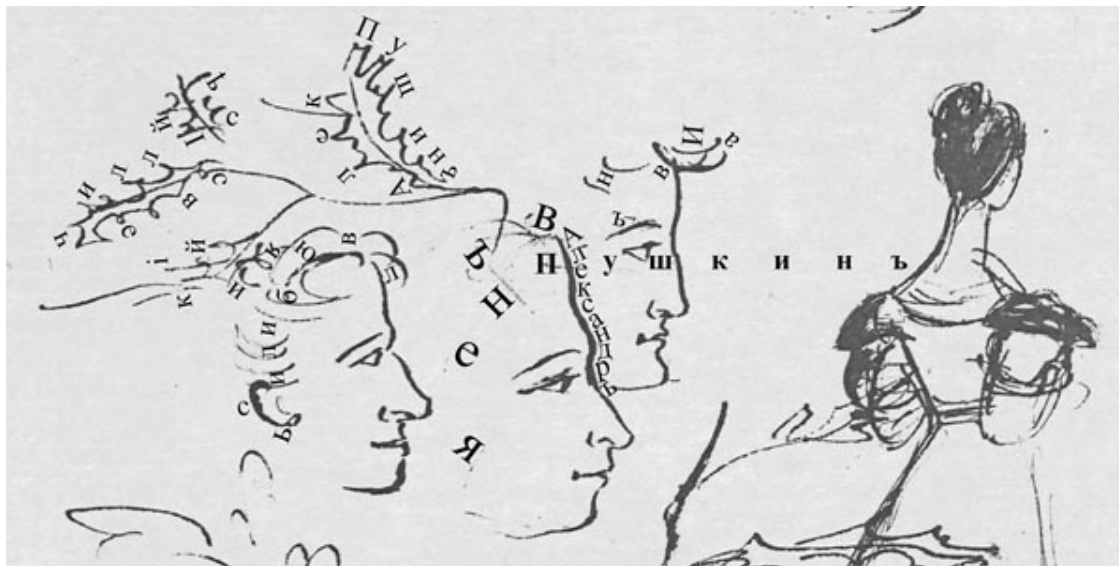
как полагает Владимир Сысоев³⁸. Она иронично, но вполне адекватно отражает ситуацию **заигрывания**, влюбленности в Екатерину Бакунину едва ли не всего Лицея. То есть мальчишек-студентов – «щенят», «**кобелят**» **своей альма-матер** – большой охраняющей их юность ученой (дрессированной) «собаки».

ПРАВИЛО № 22: в графике Пушкина нет собственно пейзажей. Любые холмы, деревья, кусты и трава, ветки и листья его сюит – записанная небрежной скорописью важная информация о его чувствах по отношению к тому или иному человеку, особенно часто – женщине, иногда – себе самому.

На затронутом в предыдущей главе листе 81 об. в ПД 841 обратите внимание хотя бы на не сводящие глаз с «дивного стана» удаляющейся девушки три юношеских профиля. Справа налево это известный нам триумвират тайных воздыхателей Бакуниной. *«Иванъ Пуцинъ, Алексѣй Илличевскій и я, Александръ Пушкинъ, влюбились въ нея»*, – зафиксировано автором рисунка скорописью в линиях волос на головах юношей, ветвей деревьев над ними и утолщениях линии собственного профиля. Местоимение «**нея**» в этом фрагменте по профилю Пушкина выписано очень крупными пунктирными намеками на соответствующие буквы – так сказать, **полубуквами**: по общему смыслу фразы приходится догадываться о смысле слова и по имеющимся фрагментам букв «реставрировать» его.

ПРАВИЛО № 23: самую секретную информацию Пушкин в своих рисунках записывает полубуквами – намеками на буквы, состоящими из петелек и кружочков, хвостиков и крючочков, которые, впрочем, при достаточном навыке чтения его графики и понимании того, о чем в ней может или должна идти речь, легко «достраиваются» и прочитываются.

Рядок молодых пышных кустов в средней части этого пушкинского чернового листа повторяет то же самое, конкретизируя предмет общих воздыханий друзей: *«Я, Илличевскій, а также Пуцинъ влюбились въ Катерину Бакунину»*.

Фрагмент ПД 841, л. 81 об.

С чем сопоставить профили на пушкинском рисунке? На парадном портрете Ф. Верне недавнему лицейскому выпускнику Ивану Ивановичу Пуцину (1798–1859) уже почти 19.

³⁸ Сысоев Владимир. Поэта первая любовь, с. 15–16.

Закадычный друг поэта еще в последние годы их совместной учебы заметно повзрослел и посерьезнел. Ради художника наряжен, припомажен и приглажен. Пущин вообще человек телом довольно крупный – не зря однокурсники звали его Иоанн Великий или Большой Жанно. Поэтому в троице парней пушкинской «деревенской» сюиты он справа – самый рослый.

Фрагмент ПД 841, л. 81 об.

Вопреки своему обычаю, собственного лучшего друга Пушкин рисует не с его удачного портрета, а по чувству и памяти. В выпускной год уже вступивший в члены тайного общества Пущин у него выйдет парнем волевым и сосредоточенным: непослушные волосы, высокий лоб, твердый взгляд, упрямый подбородок с ямочкой в центре. «Благородство, воспитанность, добродушие, скромность, чувствительность, с мужеством и тонким честолубием, особенно же рассудительность суть отличные его свойства», – отмечал в Пущине нелюбимый лицеистами воспитатель М.С. Пилецкий³⁹.

Интересный своей оригинальностью профиль с левого края триумвиата в пушкинской сюите принадлежит почти одинаковому с Пушкиным росточком сыну томского губернатора Алексею Демьяновичу Илличевскому (1798–1837), одному из самых блестящих учеников Царскосельского лицея. Олосенька, как звали Илличевского товарищи, – «остряк любезный», веселый, талантливый рисовальщик-карикатурист и поэт-эпиграмматист «на недруга и друга». В табели за 1812 год, подписанной директором Лицея В.Ф. Малиновским, говорится: «По нравственной части довольно благонравен, остроумен, пылкого воображения, смел, решителен, с чувством к добродетели; но властолюбив и с трудом подчиняется». Во время детских игр, преимущественно военных, Илличевский всегда первенствовал, командовал, считался «генералом от инфантерии»⁴⁰.

³⁹ Лицейцы. Алексей Илличевский. Иван Пущин. – <http://www.newacropol.ru/study/child/licey/litzeist/>.

⁴⁰ Лицейцы... Там же.

Иван Пущин. Ф. Верне, 1817⁴¹

⁴¹ Верне Ф. Портрет И.И. Пушина 1817 года – http://www.slib.ee/gallery2/main.php?g2_view=core.DownloadItem&g2_itemId=29298&g2_serialNumber=6

А.С. Пушкин. Ф. Ж. Вивьен, 1826⁴²

⁴² Вивьен де Шатобрен Ж. Портрет А.С. Пушкина осени 1826 года – http://avsecosu.science/pic-www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/4_04_7.jpg

Алексей Илличевский. Неизвестный художник⁴³

Выразительны художественный беспорядок шевелюры, в удивлении приподнятые брови, в скептическом вопросе приоткрытые губы Илличевского, его некоторая гордая отстраненность от тянущихся взглядом к общей пассивности своих друзей. Особенно – от восторженного, откровенно любующегося Екатериной среднего, самого крупного члена этой приятельской троицы – Александра Пушкина. Отчего профиль его крупнее других? Нет, не от силы его чувства к общему предмету восхищения, а от собственного принципа изображения: поэт возрастом на год младше обоих своих соперников.

Интригует уникальная для пушкинских автопортретов тайная улыбка в уголках губ его профиля – себе в усы. Чему в свой последний лицейский год тихо радуется, чем особенно

⁴³ Портрет А.Д. Илличевского – http://litcult.ru/u/dd/love_lyrics/1644/foto.jpg.

доволен? Барышня Бакунина, конечно же, простирала свой шарм на всех юношей-лицеистов одинаково, без разбору, но неизбалованный любовью Пушкин, похоже, воспринимал его так, будто он был адресован исключительно ему одному.

А что – может, действительно добился уже у своего кумира на то особого права? И по нему свою фамилию в рисунке «выпечатывает» по прямой линии, устремленной от собственного лба к затылку Екатерины. К месту, где по высокой шее нашей девушки стелется длинный стебель розы, пышный цветок которой «примаскирован» в затылочной части ее прически. Не та ли это самая роза, которую держал в зубах лицеист Пушкин, карабкаясь ночью 25 мая 1817 года по выступам стен бакунинского царскосельского дома к приоткрытому окошку комнаты Екатерины во втором этаже?

Но как развивается дальше интрига «прельщенного» Екатериной Бакуниной лицейского «народа» в пушкинском «деревенском» рисунке? Хватающий девушку за «дивный стан» двурукий куст против пушкинского профиля в центре чернового листа 81 об. в ПД 841 буквами своей листвы сообщает: *«Мы любили ея вс# трое»*. Буквы гирлянды внизу подола платья девушки, однако, коллективный энтузиазм однокашников тут же «опускают»: [Екатерина Бакунина] *«...къ намъ б#зъ интересовъ»*. Это, впрочем, внятно выражено уже в позе девушки. Ото всех троих своих воздыхателей отвернулась. Кисти рук прижимает к груди – чтобы, значит, никому своей руки не отдавать. Уходит...

Почему? На этот счет в сюите имеется специальная пиктограмма – большущий **карман** в левом (напомню: с точки зрения рисовальщика, «неправильном») шве подола платья нашей героини. Кстати, Пушкин после повторит его и во многих других относящихся к Бакуниной сюитах. Этим карманом он явно намекает на то, что мать планировала составить для Екатерины партию, прежде всего выгодную с материальной стороны.

Фрагмент ПД 841, л. 81 об.

Юношам, выросшим в демократичной обстановке своей лицейской «республики», где превыше всего ценились трудолюбие и талант, брачно-меркантильная тема как-то еще не близка. Линии кустарника в верхней части листа передают их общую озадаченность: *«Вс# мы влюбились въ нея. Писали ей стихи, письма. Мы не знали, кто ей миль»*. Не ощущая от своей симпатии к себе интереса, претенденты на ее сердце и руку теряются в догадках: раз не обращает внимания на них, значит, есть у нее кто-то другой? Ну, должна же, по их представлениям, красавица в таком цветущем возрасте быть хоть в кого-нибудь влюблена!

Последний, еще не прочитанный нами куст в нижней левой части рассматриваемой сюиты рисунков – одинокий и очень секретный! – выписан, конечно же, полубуквами. Содержит он в принципе то же самое, что и шнурок на листе 50 Лицейской тетради: *«Я у... ъ ея 25 Мая. Я ея мужъ»*.

Фрагмент ПД 841, л. 81 об.

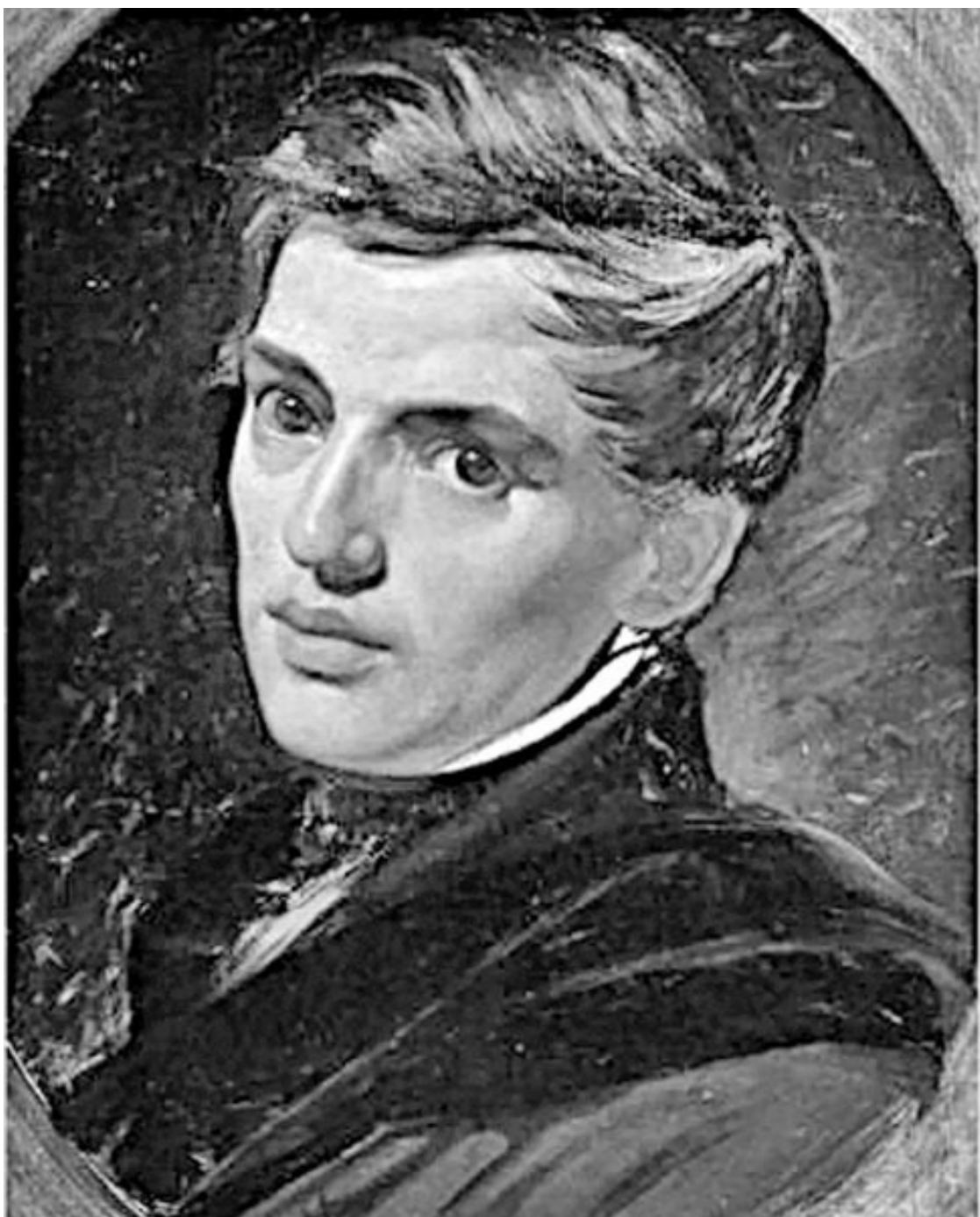
Вроде как победил Пушкин своих соперников, сломил девичью гордость Екатерины. Но рад ли? Взаимности он этим, конечно, не добился. Однако тайну своей девушки, как ему кажется, все же выведал. Об этом свидетельствуют его карандашные пиктограммы при ее профиле на все том же листе 50 ПД 829, которые очень сложно разглядеть в сильно «замыленном» пространстве сюиты. В штриховке за спиной девушки ее тенью прячется очерченный тонкими, волосяными карандашными линиями древнеегипетский **сфинкс**. Не пытаясь копировать руку Пушкина, я на его рисунке просто мечу приблизительные контуры этого чудовища. Им поэту представляется сама Екатерина, загадывающая своим поклонникам не поддающиеся, кажется, здравому смыслу загадки. Действительно, в нее влюблены лучшие парни Лицея – что еще ей для счастья надо?

Если хорошо приглядеться, над бровью и у виска профиля Екатерины можно прочесть комическую, на взгляд нашего рисовальщика, «коронную» фразу его неординарно для своего времени мыслящей девушки: **«Я буду художником»**. У темени Екатерины столь же тонкими карандашными линиями Пушкиным обрисован с ее слов ее душевный мир, тогдашние интересы. Это – **палитра с красками и художественными кистями**, а также **правый мужской полупрофиль**. На пушкинском рисунке я также практически лишь мечу их местонахождение.

ПРАВИЛО № 24: пушкинские пиктограммы, как средства индивидуализации его достаточно стандартных профилей, весьма

разнообразны – книги, инструменты и орудия труда, люди, животные, чудовища... Если они изображены у темени профиля – это мысли, интересы и увлечения, если «прячутся» за спиной – загадки и тайны.

Мужское лицо при намекающей на интимные отношения с героиней нашего исследования **голой шее** изображено у макушки бакунинского профиля в особенном ракурсе, в котором запечатлел своего старшего брата Александра во время совместной с ним стажировки от Академии художеств в 1823–1829 годах в Италии великий живописец Карл Павлович Брюллов. Будущего придворного архитектора и замечательного мастера камерного акварельного портрета Александра Павловича Брюллова (1798–1877) достаточно просто узнать и по его обычной прическе – характерным зачесанным на лоб прядкам волос у виска.

Художник К. П. Брюллов, портрет брата Александра, 1823–1827⁴⁴

ПРАВИЛО № 25: как отмечает Л.А. Краваль, голая шея при мужском лице – догадка, намек поэта на интимность отношений с этим мужчиной у изображаемой им женщины.

Вероятно, Пушкин видел написанный Карлом Брюлловым портрет брата в мастерской последнего по возвращении того в Санкт-Петербург в 1829 году. Но тогда выходит, что и саму сюиту на 50-м листе Лицейской тетради Пушкин рисует не ранее 1829 года? Нет, скорее всего, просто карандашом уточняет, актуализирует – подрисовывает, совершенствует – ее сюиты всякий раз, когда эта старая и такая дорогая для него тетрадь попадаете ему на глаза. На это, в частности, указывает возраст полупрофиля А.П. Брюллова при бакунинской макушке: Александр Павлович изображен здесь в ракурсе своего молодого портрета, но в примерно 35-летнем возрасте – весьма похожим на его портрет сороковых годов работы художника П.Ф. Соколова.

Почему Брюллов оказался в пиктограмме при профиле Бакуниной? Может, она, действительно, с молодости была в него влюблена? Нет, у него, одного из лучших студентов Академии художеств, в пушкинский лицейский период она просто берет уроки рисования. Сама по себе Екатерина – очень одаренный человек, тоже настоящая художница, мечтающая совершенствоваться в своем творчестве. Но Пушкин, похоже, не предполагает в женщинах, как людях, ни больших творческих задатков, ни подобных устремлений. «Живо воспринимаемая добро, Пушкин, однако, не увлекался им в женщинах... Причиной того, – замечает Анна Керн, – заключалась, конечно, в его невысоком о них мнении, бывшем совершенно в духе того времени»⁴⁵.

⁴⁴ Брюллов К.П. Портрет А.П. Брюллова – <http://parnasse.ru/images/photos/medium/2ac11253d3cad7a010de009bfc241bd7.jpg>

⁴⁵ Керн Анна. Там же, с. 53.

А.П. Брюллов. А.И. Кюндер (по оригиналу П.Ф. Соколова), 1840⁴⁶

Как подтверждение того же – в его **«Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»** уже 1830-х годов уничижительное *«славное решение, приписываемое Петру I: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер. Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей...»* (XI, 53)

В этой почерпнутой еще в юности убежденности недавнего лицейского выпускника, видимо, – и вся атипичность, странность, загадка для него Бакуниной, как молодой и красивой девушки. А, казалось бы, она – художница, он – поэт. Они должны были бы интересоваться друг друга хотя бы как личности. Тем более что он, по нашим представлениям, так старается щедрой россыпью своих элегий не только донести до нее свои чувства, но и произвести на нее, в контраст своей некрасивой, как сам он считает, внешности, благоприятное эстетическое впечатление. Вспоминая Екатерину Бакунину и связанное с ней свое юное стихотворчество, он 28 апреля 1830 года в письме к супруге своего друга Вяземского Вере Александровне по поводу своей предполагающейся женитьбы на «113-й любви» Наталье Гончаровой добродушно иронизирует: **«Первая любовь всегда дело чувствитель-**

⁴⁶ Кюндер А.И. Портрет А.П. Брюллова. – <http://www.pushkinmuseum.ru/sites/default/files/pictures/collections/kollekciya-zhivopisi-grafiki-i-miniatury-gmp/6.klyundera.i.bryullova.p.1840.jpg>

ности; чем она была глупее, тем больше остается сладостных воспоминаний. Вторая, видите ли, – дело чувственности...» (XIV, 81)

И с прежней озадаченностью смотрит вслед удаляющейся от него Екатерине на своем «деревенском» рукописном листе 81 об. в ПД 841. Впрочем, так, спиной и в полный рост, он изобразил ее в первый раз еще в беловике начатой в Одессе в 1821-м, а законченной уже в Михайловском в октябре 1824 года поэмы «**Цыганы**» (ПД 836, л.7) – на широком поле у текста песни Земфиры:

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя...

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине! (IV, 189)

На замечание Алеко прекратить «дикое» на его цивилизованное ухо пение Земфира дерзко возражает: «Ты сердиться волен // Я песню про тебя пою». Дикость песенной ситуации для Алеко-Пушкина состоит в том, что его самого, «**старого**» (то есть прежнего и настоящего, поскольку – первого) мужа, все еще отвергает, не хочет знать его любимая гражданская, как теперь это называют, жена Бакунина.

В своей сюите он, кстати, не забывает и о двух других своих первых любовях времен его отношений с Екатериной Бакуниной. Он не успел и попытаться сделаться мужем улетевшей от него на помеле сначала в фрейлины, а потом замуж «ведьмочке» Наташе Кочубей и ставшей для него после своей гибели ангелом мести Жозефине Вельо, фамилию которой он на португальский лад пишет **Вельхо** (Welho). Имена этих девушек записаны буквами в линиях их фигурки и крылатого профиля, а их роли в жизни Пушкина – «**ведьма**» и «**ангель**» – в помеле первой и чертах лица второй. Подробнее же о самих этих пушкинских пассиях – чуть ниже.

тения не сумела оказать ему должного сопротивления, то ведь он рад был тут же бежать к ее маменьке просить ее руки. А она – нет. Не хочет, мол, она замуж. Ни за него, ни за кого-либо другого. Чего хочет? Рисовать! Просто обиделась на него, как маленькая девочка, надулась и отвернулась.

Личико этой обиженной девочки вырисовано линиями **правого** рукава платья Екатерины. Из глаз девочки текут, сливаясь в **лужицу** за подолом (в прошлом) нашей взрослой уже девушки, потоки слез. Причина их – тайное, прописанное полуцифрами и сильно запутанными буквами «**25 Мая**», мокнущее в слезной лужице и трепещущее под левым предплечьем – у сердца девушки.

Поскольку «красноречивый» рукав – **правый**, то, значит, Пушкин уже в этой сюите признает, что обижается Екатерина на него по большому счету **правильно**, справедливо. Как взрослый порядочный мужчина, кем он себя уже в лицейские годы считал, он не должен был пользоваться ее жизненной неопытностью, душевной романтической настроенностью и стремлением той ночью не надеть в своем доме шума – самой избежать и его уберечь от гнева своей семьи и осуждения общества.

ПРАВИЛО № 26: складки одежд пушкинских персонажей часто отображают их душевное состояние, настроение.

Но понял он это слишком поздно. В предвыпускные лицейские годы у него были уже связи с женщинами, которые его молодую страсть вовсе не считали посягательством на их честь и достоинство. Скучающие молодые жены царскосельских престарелых мужей, актриса местного театра и любовница его хозяина, графа Варфоломея Толстого, Наталья, дамы полусвета, бордельные обитательницы...

Екатерина Бакунина в жизни Пушкина была первой барышней из хорошей семьи. Да к тому же еще оказалась девственницей, хотя при наличии немалого числа лицейских поклонников бойко разыгрывала перед рано повзрослевшим Александром роль искушенной в любви женщины. Наверное, на своем 22-м году, когда ее замужние сверстницы успели уже родить не по одному ребенку, ей было неловко признаваться в том, что она до сих пор с мужчиной не спала. А если по правде сказать, то даже и не целовалась.

Заигравшись во взрослую жизнь, она подпустила своего пламенного ухажера Пушкина слишком близко. Да он ведь и долго, для его реактивной натуры даже очень долго (чуть ли не два года!) приручал ее – обаял речами, поражал блеском своего ума, восторгал ее сердце благородными порывами. Явно обращаясь к опыту собственной молодости, описывает он поведение своего героя в «Евгении Онегине»:

Х

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным, иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,

Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!.. (VI, 10)

Быть может, к роковому моменту Екатерина уже доверяла ему так, что, распахивая в темноте окошко своей комнаты, даже ничего не опасалась. Не допускала и мысли о том, что этот не по возрасту умный мальчишка стремительно, тут же, пока она не опомнилась, не набралась решительности преодолеть собственное смущение и позвать кого-то из родных на помощь, дерзнет сделать ее своей женщиной. Скорее всего, в силу собственного привычного старшинства была уверена, что в любом случае сможет проконтролировать ситуацию.

Похоже, в ту злополучную ночь она чувствовала себя одновременно и обманутой, и обманщицей. Сексуальная непросвещенность девушек того целомудренного времени заставляла их думать, что дети рождаются даже от поцелуев. Одна из них, к примеру, как я прочитала в интересной книге по этикету пушкинской поры, на полном серьезе переживала в своем дневнике: «Когда мне было уже 15 лет, мама сказала, что иногда, когда мужчина с девушкой или женщиной живут в одном доме, то у них могут родиться дети. И я помню, как я мучилась и сколько ночей не спала, боясь, что вдруг у меня будет ребенок, потому что у нас в доме жил учитель»⁴⁷.

Нашей Екатерине, конечно, уже за 20, хотя это и не сильно меняет дело. Но после настоящего близкого общения с мужчиной она не могла не догадываться о возможности серьезных последствий. Как она теперь будет смотреть в глаза маменьке, по семейному безденежью хлопочущей об устройстве ее ко двору? Ведь в фрейлины принимают, как известно, только незамужних, бездетных и с безупречной репутацией.

Обращает на себя внимание на пушкинском рисунке в «Цыганах» **округлившийся, сильно выпяченный вперед, но отделенный от подола платья живот** «уходящей девушки». Это значит, что Пушкин никак не может понять, отчего Екатерина так уж сильно на него обижается и плачет? Ведь он постарался сделать все от него зависевшее, чтобы, как он сам выражался на эту тему, не «обрюхатить» ее с первого раза. Он на самом деле тогда хотел только одного – пусть и таким дерзким, неблагородным способом «приручить», «присвоить», «привязать» Бакунину к себе. Потому что очень ее любит – не может без нее жить. И его логику даже можно если не разделить, то хотя бы понять: разве по-другому, по-правильному он смог бы убедить мать Екатерины, мечтающую для дочери о выгодном браке, отдать ее за него замуж?

Скрещенные – закрытые для реализации мужской «горячности» – ножки девушки на листе 8 в ПД 835, в рукописи «Цыган», принадлежат также, как записано здесь автором рисунка, Екатерине Бакуниной. Появился он в правом («правильном») поле рукописи рядом с отражающими истинные чувства поэта к Екатерине стихами о любви Алеко к Земфире. Старик-отец «переводит» на понятный Земфире «язык» отношение к ней полюбившего ее человека иной культуры: «...Тебя он ищет и во сне: // **Ты для него дороже мира**». (IV, 191)

⁴⁷ Лаврентьева Елена. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. – <http://russify.ru/text/etiket/index.htm>

ПД 835, л. 8

Но Земфиру в это время уже тяготят отношения с Алеко, по правилам своей цивилизации считающим себя ее мужем. Она признается отцу: *«Его любовь постыла мне. // Мне скучно; сердце воли просит...»* На рисунке за ножками Бакуниной – неизгладимое в ее восприятии черное пятно ее кратковременных нежеланных близких отношений с Пушкиным. Записанный в этом рисунке текст – комментарий к ситуации: в юбке и ножках – **«Катерина Бакунина и я»**, в контурах «негритянски» черного чернильного пятна – **«Александр Пушкинъ, мужъ ея»**.

Глава 5. «Лилу, темиру, всех обожал»

Кажется, информацию о воздыхателях Бакуниной приятели поэта в воспоминаниях и сам Пушкин в своих рисунках оставили нам исчерпывающую. Однако и этот «железобетонный» факт из его биографии все же нуждается в подкреплении еще и доказательствами из его честного и объективного литературного творчества. Ибо и до сих пор в нашей науке бытует разномыслие по поводу того, кого из влюбленных в Бакунину лицеистов в их группе считать третьим – Алексея Илличевского или все же Ивана Малиновского? Некоторые исследователи⁴⁸ полагают, что в рукописи стихотворения «19 октября 1825 года» («Роняет лес багряный свой убор...») после посвященной Пушину 10-й строфы Пушкин восклицает, обращаясь к Алексею Илличевскому:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
Ты, **наш казак** и пылкий и незлобный,
Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы **впервой все трое полюбили**,
Наперсники, товарищи проказ... (II, 972)

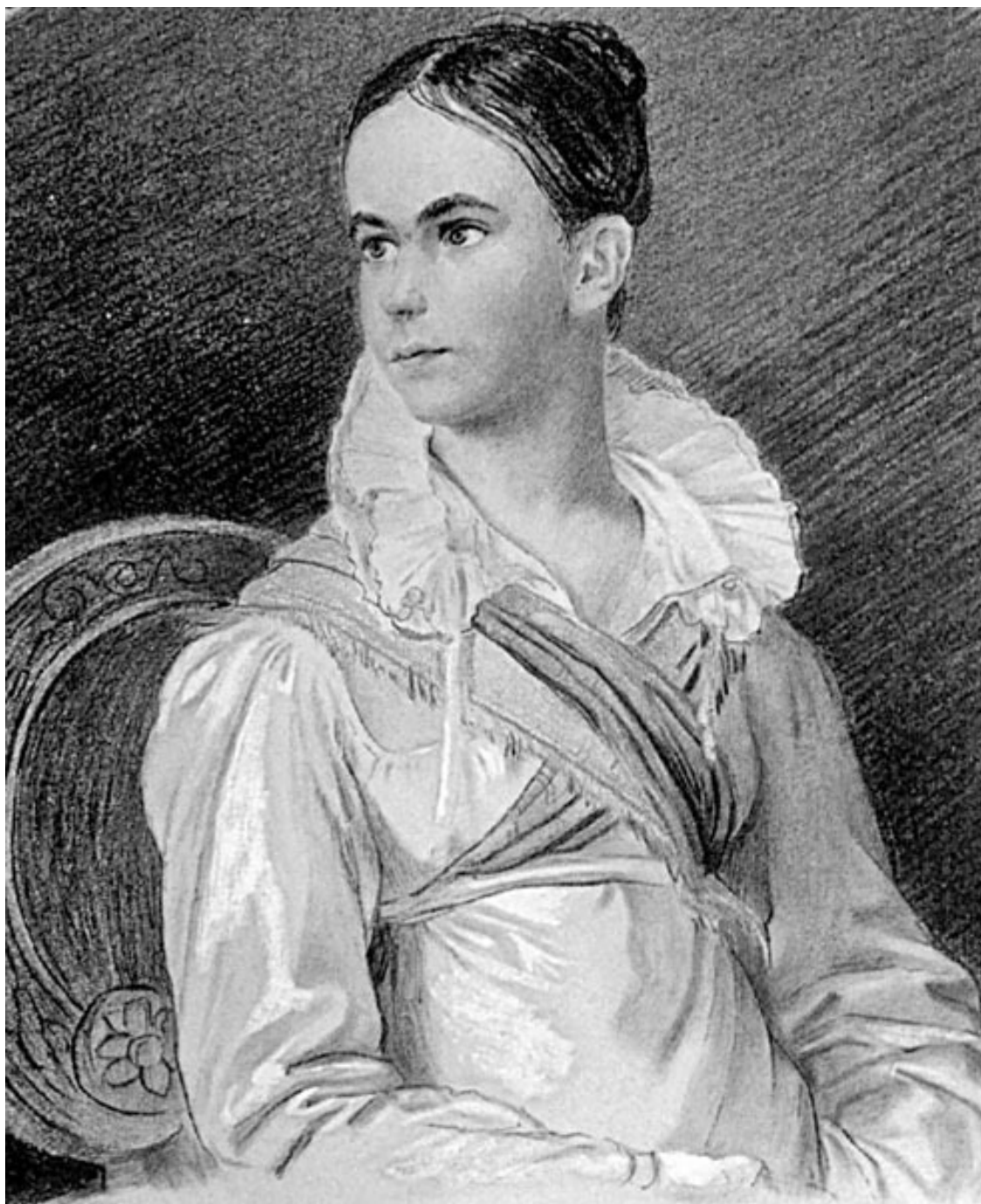
А ведь точно известно, что Казак – Иван, сын первого директора Лицея Василия Федоровича Малиновского. Впоследствии Иван Малиновский женился на сестре своего тезки Пушина Марии. Но кого любил он в свои лицейские годы? Если в триумвирате с Пушкиным и Пушиным, то вовсе ведь не обязательно Екатерину Бакунину. Потому что у этой страстной парочки была в те годы еще одна общая любовь. Их желчный, но много знающий однокашник барон Модест Корф даже не сомневался в том, что именно графиня Наталья Кочубей, а вовсе не Екатерина Бакунина, была «первым предметом любви Пушкина»⁴⁹. Другие лицеисты иже с поэтом в этом увлечении непременно упоминают и его верного друга Ивана Пушина.

⁴⁸ Смотри, к примеру, Руденская М., Руденская С. «Наставникам... за благо воздадим». – Лениздат, 1986, с. 126; Эйдельман Натан. «Прекрасен наш союз...». – М., «Вагриус», 2006, с. 123 и др.

⁴⁹ Труайя Анри. Пушкин. Биография. В 2 томах. – СПб, «Вита нова», 2005, т. I, с. 126.

Фрагмент ПД 829, л. 50

Наталья Кочубей, художник О.А. Кипренский, 1813⁵⁰

Изящная, грациозная и характером, как ни странно, скромная до робости дочь одного из первых лиц государства, министра внутренних дел графа Виктора Павловича Кочубея, Наталья (1800–1854) младше первых лицеистов на год-другой. Для них это уже не воспринимающая их по-прежнему детьми старшая сестра их товарища, а возможность явить собственную взрослость, чистая любовь, настоящая да еще такая завидная невеста.

Кочубеи, как и прочие высокопоставленные придворные, проводили на царскосельских дачах рядом с императором теплые сезоны. Во всяком случае, жили они здесь на собственной даче не одно только лето 1812 года, о котором кто-то оставил случайное воспомина-

⁵⁰ Кипренский О.А. Портрет Н.В. Кочубей 1813 года – <http://www.liveinternet.ru/users/4112074/post346727218>.

ние. Парни-лицеисты в соответствии со своим возрастом повлюблялись в юную прелестную графиню Наталью, вероятно, году в 1815—1816-м, когда она с родителями, старающимися избавить ее от стеснительности – приучить к обществу сверстников, стала появляться на лицейских балах и праздниках. Скорее всего, тогда же заметил ее и Пушкин. Хотя, возможно, начал поэтически думать о ней даже раньше, чем о Екатерине Бакуниной, перед которой тогда робел в силу своего существенно младшего в сравнении с нею возраста.

В более чем двух десятках собранных разными авторитетами для Екатерины Бакуниной пушкинских «унылых» элегий есть явно «сезонные», адресованные, возможно, вовсе не ей, а Наталье Кочубей. Пример такой элегии – «**Осеннее утро**» 1816 года:

...Взошла заря, блистает бледный день —
А вокруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Но трепетал в них образ незабвенный. —
Уж нет ее!.. До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою... (I, 198)

Ибо Екатерина Бакунина появлялась в Лицее, навещая брата, вне зависимости от времен года. Судя по «Ведомостям Лицея», за годы обучения Александра она побывала здесь вместе с матерью более 60 раз. В 1811 – 4 раза, в 1814 – 31, в 1815 – 17, в 1816 – 6, в 1817 – 8⁵¹. По динамике визитов легко прослеживается, что уже в 1811 году они для родных мальчика Александра Бакунина были хотя и желательны, но весьма затруднительны. В 1812–1813 годах визитов не было вовсе: очевидно, что его мать с сестрой и младшим братом жили далеко – в Твери, Торжке и в родовом имении Бакуниных Прямухине Тверской губернии.

А вот в 1814-м Бакунины, по всей видимости, поселились в Царском Селе, потому что 15-летнего уже Александра на радостях за год навестили аж 31 раз! С 1815 года посещения идут на спад. Что ж, юноша повзрослел, давно привык к своему учебному заведению и уже не так, как в первые годы своего здесь нахождения, скучает по семье.

Но даже и в последние годы пребывания Александра в Лицее визиты к нему его матери и сестры достаточно регулярны. Заодно его родные навещают на царских дачах сестру Екатерины Александровны Софью Саблукову, новую фрейлину императрицы. Как-то она привыкает к своей непростой службе, многие нюансы которой передаются поколениями придворных, что называется, из рук в руки? Для впервые оторванной от привычного образа жизни девушки сейчас очень важна поддержка семьи. Да и Екатерине вовсе не мешает пройти возле тети своеобразную стажировку – исподволь присмотреться к своему возможному поприщу. Тем более что нет у нее не только вышколенности институтки, но и достаточного опыта общения с людьми высшего общества.

Студенты-лицеисты все последние годы имеют счастье встречать симпатичную им девушку Бакунину в стенах своего учебного заведения, скорее всего, гораздо чаще других сестер своих однокашников и юных дачниц. Вот и начали в нее едва ли не поголовно влюбляться – писать ей любовные записки, посвящать ей стихи и песни. Ведь подходящих для

⁵¹ Сысоев Владимир. Поэта первая любовь, с. 11–12.

этого кандидатур в Царском Селе явно недостаточно. Той же посезонной влюбленности троих закадычных друзей – Пушкина, Пущина и Малиновского – в юную графиню Наталью Кочубей не суждено было ни проявиться вполне, ни продлиться долго. Оканчивая Лицей, поэт с грустью пишет «В альбом Пущину»:

Вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья, —
Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты **вспомни первую любовь.**
Мой друг, она прошла... (I, 262)

А как ей было не пройти, когда в 1816 году родители увезли суперскромницу Наташу «на перевоспитание» за границу? Возвратились Кочубеи вместе со своей уверовавшей, наконец, в собственную неотразимость красавицей-дочерью аж через два года, когда подавляющего большинства первых лицеистов в Царском Селе уже, как говорится, и след простыл.

Однако, судя по ревливой карикатуре Вильгельма Кюхельбекера на своего соперника не только в поэзии Алексея Дамиановича Илличевского (Олосеньки), существовал в Лицее еще один влюбленный триумvirат – сам Кюхля, Илличевский и Семен Есаков. Или даже квадрант, если рассматривать эту ситуацию с участием еще и Пушкина. Как здесь без него? Если его сдержанно-правильные приятели Иван Пущин с Алексеем Илличевским могли быть влюблены одновременно в двух царскосельских девушек, то почему от природы темпераментному Пушкину не быть влюбленным сразу в трех?

Эта четверка парней с явным интересом поглядывает на сравнительно недавно попавшую в Россию этническую португалку Жозефину – красавицу-падчерицу постоянно проживающей в Царском Селе вдовы-банкирши баронессы Софьи Ивановны де Вельо (Велио). Интересно было бы увидеть и эту девушку, не правда ли? В ученых кругах считается, что ее портрета в России нет. Но это – заблуждение. В таких горячих, тлеющих веками историях, как связанная с нею, ничто не исчезает прежде, чем отыграет свою роль – поможет хотя бы потомкам установить истину.

В. Кюхельбекер. Портрет юноши. Из лицейской тетради 1816–1817 годов⁵²

Репродукция портрета Жозефины отыскалась среди неопознанных женских лиц, написанных знаменитым мастером парадного портрета Николаем Гау. Правда, художник написал этот красивый, нарядный портрет во время своей работы в Царском Селе в 1835 году. Стало быть, по чьему-то заказу с другого – более раннего портрета. И такой портрет ведь есть... Впрочем, история его – вовсе не тема нашего теперешнего исследования. Нам интересен сейчас лишь сам облик третьей пушкинской первой любви.

⁵² Кюхельбекер В.К. Портрет юноши – <http://nasledie-rus.ru/podshivka/pics/6619-pictures.php?picture=661903>

Н. Гау. Женский портрет⁵³

Как можем убедиться, на этом портрете – практически тот же самый тип женщины, к которому относятся и Екатерина Бакунина с Наталей Кочубей. Все три пушкинские первые любви – достаточно высокие и стройные темноглазые брюнетки с великолепными волосами и кожей. Очень «чистые», как-то особенно, по-европейски «отмытые».

⁵³ Гау Н. Женский портрет (Жозефина Вельо) – http://vstdn.ru/images/data/mus/70337_big_1359710758.jpg

Темноглазость и сходство причесок часто заставляют путать Екатерину Бакунину с Жозефиной Вельо, изображенных в пушкинской галстучной «петле» на листе 50 в ПД 829. Помогают их различить ровненький, без вздернутости на кончике носик да грустный, меланхолический взгляд Жозефины, в портрете кисти лично, вживую не видевшего ее Николая Гау, кстати, выраженный в явно недостаточной мере. Но самое верное различие в пушкинском изображении довольно стандартных, классических профилей этих его девушек – пиктограммы: при профиле Екатерины – вечная шнурочная петля у шеи, Жозефины – ножницы в волосах, на листе 50 – совсем крохотные, в пятнышке справа от узла волос на макушке.

Жозефина живет в Царском Селе на правах воспитанницы в посещаемом лицеистами доме бездетных лицейского учителя пения барона Теппера де Фергюсона и его жены Жанеты (Пушкин ее имя всегда пишет с одной буквой «т») Ивановны, родной сестры баронессы Вельо. Баронесса Жанета ТЕппер, кстати, – и есть ТЕмира пушкинских стихов. Условные имена для героинь своих стихов Пушкин с некоторых пор системно производит от слога реальных имен-фамилий имеющих им в виду девушек и женщин. Так, Анна ОЛЕнина у него – ЛЕля, Авдотья ИСТОмина – ЛаИСа, Елизавета Шот-ШеДЕль – ДЕлия, Софья Потоцкая-КисЕлева – ЭЛЬвина и так далее.

Кто у него в этом плане Екатерина БакуНИНА? А наверняка – НИНА. Вспомним хоть его тоскливые михайловско-ссылочные размышления о собственной затерянной в псковской глуши молодой жизни под названием «Зимняя дорога»:

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальные поляны
 Льет печально свет она.
 По дороге зимней, скучной
 Тройка борзая бежит,
 Колокольчик однозвучный
 Утомительно гремит.
 Что-то слышится родное
 В долгих песнях ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска.....
 Ни огня, ни черной хаты,
 Глушь и снег.... На встречу мне
 Только версты полосаты
 Попадают одне...
 Скучно, грустно..... завтра, **Нина**,
 Завтра к милой возвратясь,
 Я забудусь у камина,
 Загляжусь не наглядысь.
 Звучно стрелка часовая
 Мерный круг свой совершит,
 И, докучных удаляя,
 Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
 Дремля смолкнул мой ямщик,
 Колокольчик однозвучен,
 Отуманен лунный лик.
 (1826) (III, 42–43)

Вроде бы и есть у лирического героя этого стихотворения ненаглядная «милая», с которой он может не разлучаться и за полночь, а все равно, по его ощущению, «скучен» и «грустен» его жизненный путь. И обращается он с этой своей грустью отнюдь не к собственной «милой», а к Нине – давней близкой подруге или, может быть, способной его понять сестре по несчастью. Словом, от имени Пушкина явно – к нашей Екатерине Бакуниной.

Курсируя со своими матримониальными в отношении Бакуниной планами между Москвой и Петербургом с непременно заездом в Торжок, поэт и осенью 1829 года безымянно вспомнит свою Нину поблизости – в гостях у павловских Вульфов. Вздумает начинать свою «Барышню-крестьянку», но на листе с ее первой фразой лишь нарисует свою «уходящую девушку» Бакунину вместе со своими лицейскими соперниками в борьбе за ее внимание. А размышления о собственной неприкаянности, подобные изложенным в «Зимней дороге», выльет в очередные **«Дорожные жалобы»**:

Долго ль мне гулять на свете
 То в коляске, то верхом,
 То в кибитке, то в карете,
 То в телеге, то пешком?
 Не в наследственной берлоге,
 Не средь отческих могил,
 На большой мне, знать, дороге
 Умереть господь судил,
 На камнях под копытом,
 На горе под колесом,
 Иль во рву, водой размытом,
 Под разобранным мостом.
 Иль чума меня подцепит,
 Иль мороз окостенит,
 Иль мне в лоб шлагбаум вцепит
 Непроворный инвалид.
 Иль в лесу под нож злодею
 Попадуся в стороне,
 Иль со скуки околею
 Где-нибудь в карантине.
 Долго ль мне в тоске голодной
 Пост невольный соблюдать
 И телятиной холодной
 Трюфли Яра поминать?
 То ли дело быть на месте,
 По Мясницкой разъезжать,
 О деревне, **о невесте**
 На досуге помышлять!
 То ли дело рюмка рома,
 Ночью сон, поутру чай;
 То ли дело, братцы, дома!...
 Ну, пошел же, погоняй!...
 (1829) (III, 177–178)

«Помышлял» и в этот раз Пушкин, понятно, о своей «невесте» Бакуниной. Это можно верно угадать уже по одному тому, что крестьянское имя **АКУ**лина для героини своей повести «Барышня-крестьянка» Елизаветы Муромской он произвел, как имя Нина для предыдущих своих «дорожных» стихов, в соответствии со своим принципом: от все той же фамилии своей любимой девушки **БАКУ**ниной.

Но это так, между прочим. Жозефина же, до сих пор в недостаточной для свободного общения мере владеющая русским языком, для Пушкина – девушка-мечта, неблизкое будущее, романтическая поэзия. Напомню в связи с нею его известный подаренный однокласснику Семену Есакову экспромт вроде как 1813 года:

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
«Мамзель Шредер с красным носом
Милых **Вельо** не ведет?» (I, 282)

Очевидно ведь, что «на берегу замерзлых вод» в ожидании этой своей пассии среди ее более старших, не подходящих для «влюбления» лицеистов сестер наши юноши простаивали оба. Условное имя для Жозефины, традиционно для Пушкина произведенное от слога ее фамилии **Вел**Ию, – **ЛИ**ла. И многие его «унылые» элегии, обычно адресуемые литературоведами Екатерине Бакуниной, на самом деле написаны о перипетиях его отношений с Жозефиной и ее старшими сводными сестрами по отцу: **ГЛИ**церой – считающейся фавориткой царя Александра Павловича Софьей Велию (в замужестве Ребиндер) и **ЛИ**дой – ее родной младшей сестрой Целестиной Велию (в замужестве Каульбарт).

К сверхобширному «бакунинскому» циклу «унылых» элегий за вычетом адресованных Наталье Кочубей однозначно не относятся также и те, в которых поэт подразумевает девушку и молодых женщин дома Вельо. Это обращенные к Софье «Слово милой» и «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»), «Любовь одна – веселье жизни хладной», «Мое завещание друзьям», а также строфы из ранней редакции восьмой главы «Евгения Онегина» «Душа лишь только разгоралась...». Касающиеся Жозефины «Надпись на беседке», «Дубравы, где в тиши свободы...», «Разлука» («Когда пробил последний счастьем час...»), «Месяц», «Мне страшен дневный свет...», «Опять я ваш, о юные друзья». А также относящееся к Целестине, а вовсе не дальней родственнице директора Лицея Е.А. Энгельгардта Марии Смит, стихотворение «К молодой вдове». Почему – отдельный большой разговор за рамками данного исследования.

А вот «**Измены**», которые пушкинисты, случается, относят к Наталье Кочубей⁵⁴, адресованы трудно поддающейся любовным чарам поэта давней его пассии Екатерине Бакуниной – **Елене**:

«Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.

⁵⁴ «Младая роза...» // Забабунова Нина. «Я вас любил...», с. 24–27.

Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зефир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиреньи
Черпать забвенье
И – для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей“.
В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой

Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал. —
Что же? – напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей. —
Тщетно вызывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец....
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый
Цепи влачи.....
(I, 108–109)

Явно неточна определенная учеными дата написания этих стихов – 1815 год. По ней выходит, что уже с весны 1814-го у еще даже не 15-летнего юноши Пушкина давно существуют, а то и даже и завершились, дойдя до своего логического конца, взрослые отношения со многими вышеназванными девушками и женщинами с условными именами. А между тем лишь на последних курсах Лицея, то есть никак не ранее осени 1816 года, уже при Е.А. Энгельгардте, студенты получили возможность выходить из своего учебного заведения в «свет» для общения с посторонними людьми.

С позволения нового директора стали бывать в его собственном доме, а также в заранее оговоренных им царскосельских семьях. Ребята стали навещать дома матери своего товарища Александра Бакунина и лицейского учителя пения барона Вильгельма Петровича Теппера де Фергюсона. Посещали также семью сестры жены Теппера, вдовы-баронессы Софьи Ивановны Вельо, и дом матери обеих сестер-баронесс, Софьи с Жанетой, – вдовы придворного банкира Иогана Северина, имя которой пока не установлено⁵⁵. Не «скучали» в отсут-

⁵⁵ Имени вдовы банкира Иогана Северина нет даже в воспоминаниях ее зятя, Людвиг-Вильгельма Теппера де Фергюсона. В своей книге «Моя история» (ООО «Дмитрий Буланин» и Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, Л – М., 2013) он с неприязнью называет ее только «мадам Северина» и «урожденная Тиринг».

ствие лицеистов, конечно же, местный театр с кондитерской, исторические и природные достопримечательности Царского Села.

Но все визиты и увеселения юношей были вполне легальны и проходили организованно – под неусыпным надзором воспитателей. Не случайно же, заглянув однажды в одесский Ришельевский лицей, взрослый Пушкин удивился тамошней свободе выхода и входа. Ему, правда, тут же пояснили, что некоторые послабления сделаны для учащихся лишь по причине начавшихся каникул.

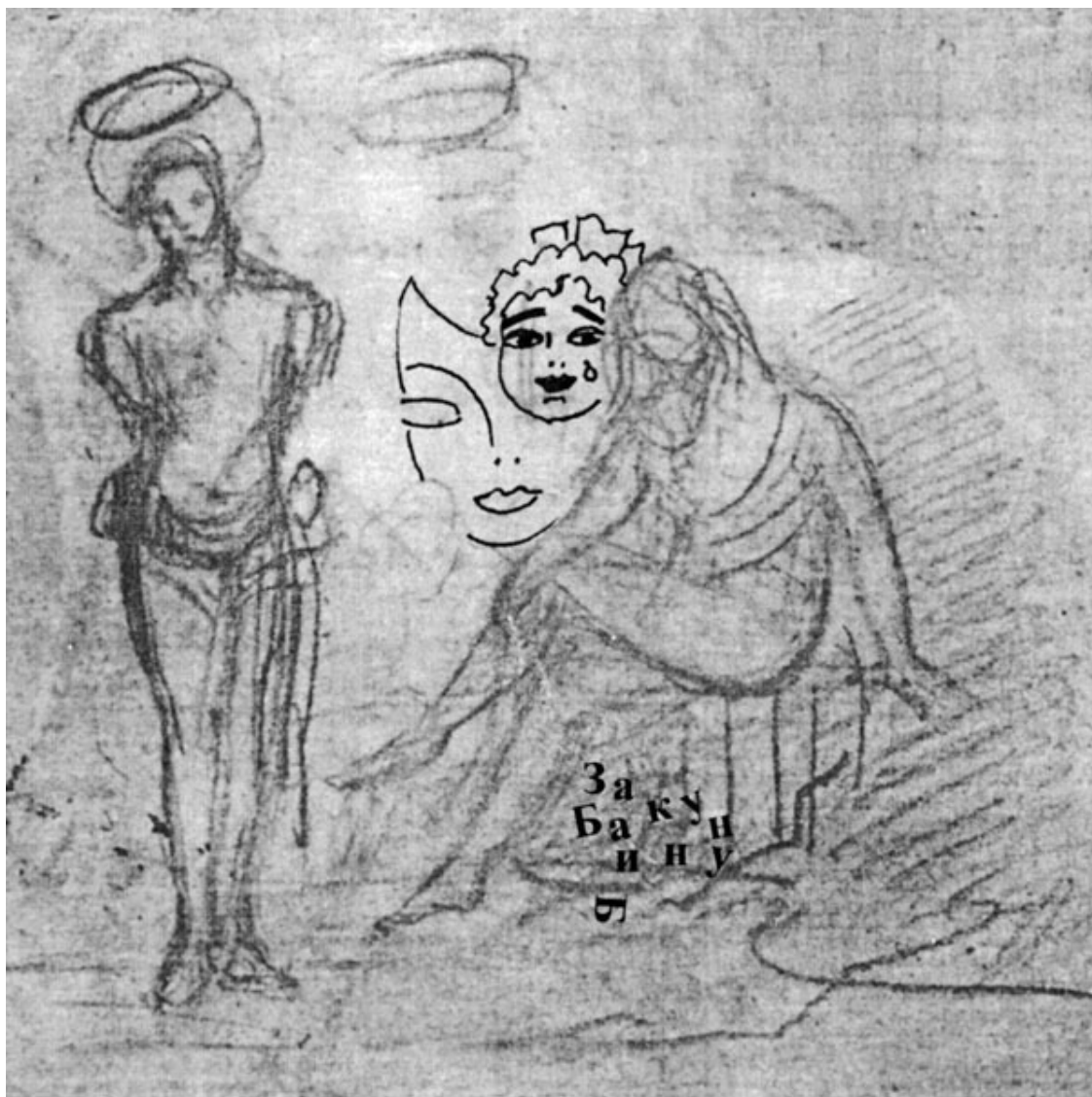
Издавая первый пушкинский сборник, доверенное лицо Пушкина Петр Александрович Плетнев с его «консультантом» младшим братом поэта Львом Сергеевичем, по собственному их признанию, много дат под стихами поставили наобум. Однако есть ведь и в самих отсутствующих, между прочим, в Лицейской тетради «Изменах» строчки, свидетельствующие о гораздо более поздней дате написания этих стихов: *«В юности страстной // Был я Прекрасной // В сеть увлечен»*. Ни в какую сеть ни в прямом, ни в романтическом смысле серьезная, ответственная Екатерина Бакунина ровесника своего младшего брата Пушкина, понятно, не увлекала.

Эти строчки лишь подсказывают, что ко времени написания «Измен» уже случилось большое несчастье – гибель Жозефины Вельо. Виновницей ее гибели была ее старшая сестра Софья, для которой, многоликой по отношению к Пушкину, у него было даже три условных имени. В иронических стихах он зовет ее Глицерой. В восторженных величает Прекрасной (без имени) или пишет о ней с заглавной буквы – Она. Действительно, мыслимо ли хотя бы и в мадригалах упоминать настоящее имя особы, столь исключительно приближенной к императору? Его коварная 24-летняя Прекрасная явно перестраховалась: для предотвращения появления в отношениях между ней с императором Александром Павловичем соперницы – красавицы-сестры Жозефины – воспользовалась «юмористической» идиллией, по ее же «заказу» неосторожно написанной неопытным в женских интригах очень еще молодым Пушкиным.

Несчастье с Жозефиной произошло в самом конце сентября 1819 года. Узнав о нем в начале ноября, поэт и понял, что попался в «сеть», умышленно расставленную его Прекрасной на него и на ни в чем не повинную симпатичную ему девушку. Так что, несмотря на легенды о ранней влюбчивости Пушкина, «Измены» логичнее было бы отнести к этому или даже к началу следующего, 1820-го года. Как пушкинскую стилизацию, пародию на себя самого 16-летнего. Каковой собственно были и те самые погубившие Жозефину его также, кстати, отсутствующие в Лицейской тетради стихи начала сентября 1819 года, которым, безусловно, требуется неуместный здесь отдельный большой разговор.

Фрагмент ПД 830, л.2 об.

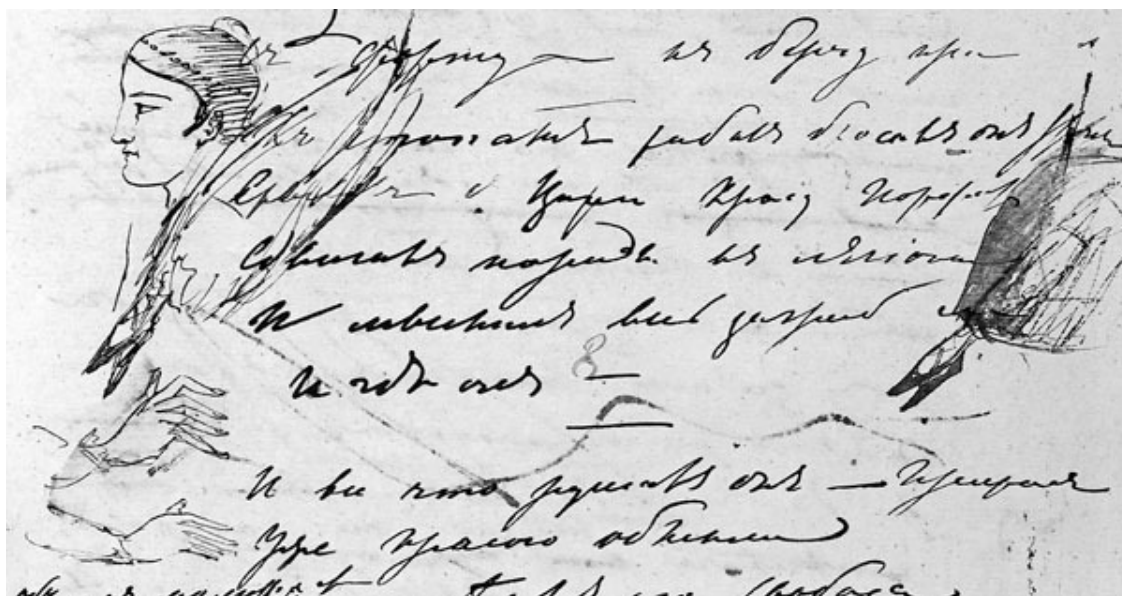
Фрагмент ПД 830, л.2 об.

Очень похоже на то, что в закончившуюся скандалом историю с сестрами Вельо Пушкин в 1817 году ввязался как бы назло, в отместку своей неподатливой возлюбленной Екатерине Бакуниной. Хотел, видимо, продемонстрировать ей, что его недооцененной ею персоной вполне могут интересоваться и «птицы» такого «полета», как фаворитка самого императора Александра Павловича Софья Вельо. Иначе зачем на листе его черновика в сюите у присланного им издателю уже с юга Эпилога к его поэме «Руслан и Людмила» над персонажами разразившейся в семействе Вельо драмы возле фигурки Пушкина в образе библейского пророка Даниила наряду с огромным лицом-маской погибшей Жозефины Вельо изображено личико его кудрявой черноглазой «плачущей девочки» Екатерины Бакуниной?

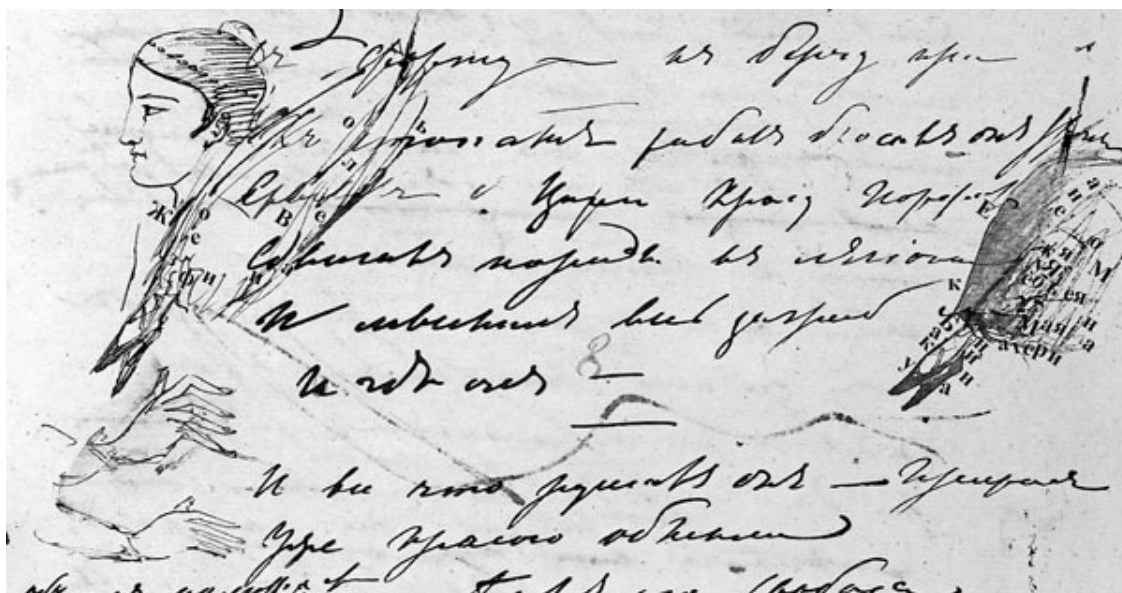
Личико этой девочки находится как бы в голове маски Жозефины **на уровне ее глаз**. Значит, Пушкин понимает, что постоянно проживающая в Царском Селе в доме Теппера, поблизости от Лицея, Жозефина **не могла не видеть** его ухаживаний за сестрой его одноклассника Бакунина: они происходили **у нее на глазах**. И это в конечном счете, наряду с более вескими факторами, сыграло в ее гибели свою пагубную роль.

Карандашное изображение детского плачущего личика вместе с другими многочисленными здесь персонажами развернувшейся в семействе Вельо драмы, конечно же, как обычно

на опубликованных листах рукописей поэта, тщательно «замылено». И мне приходится для вас его «прояснять», по сути – восстанавливать, реконструировать. В условиях почти нулевой видимости не взыщите, как говорится, за качество. Важен сам факт того, что, уезжая в ссылку на юг, Пушкин увозит с собой тревогу о своей любимой девушке Екатерине Бакуниной, не перестает беспокоиться о ее будущем, которое, несмотря ни на что, по-прежнему связывает с собственным.

ПД 835, л. 8

ПД 835, л. 8

Причинно-следственная связь поведения Екатерины Бакуниной со всеми последующими злоключениями Пушкина прослеживается во многих его рисунках. Пример – две пары скрещенных девичьих ножек во Второй Масонской тетради, ПД 835, л. 8, при записи в 1824 году по памяти стихотворения В.А. Жуковского 1816 года «Стихи, петье на празднестве посла лорда Коткарта, в присутствии е.и. величества». Пушкин припоминает эти стихи, посвященные второй годовщине первого отречения Наполеона от французского престола, в

связи со своими мыслями о поверженном французском императоре: двумя страницами ранее в этой же тетради у него – черновик собственного стихотворения на эту тему «Зачем ты послан был...»

При чем здесь женские ножки? А при пушкинской ассоциации с другим собственным стихотворением – на смерть Наполеона 5 мая 1821 года («Чудесный жребий совершился...») на л. 63 в ПД 831. Графическая сюита на обороте этого листа – пушкинское осмысление ситуации после гибели Жозефины.

В ПД 835, л. 8, как видим, огромная волнистая стрелка ведет по мемориальной «дорожке» справа налево – от скрещенных ножек Бакуниной к демонстрирующим точно такую же позу ножкам Вельо. В линиях правых ножек с юбкой записано: **«Моя жена Екатерина Бакунина. Я у...ъ ея 25 Мая»**. В линиях левых – просто **«Жозефина Вельо»**.

Глава 6. Тайна дворцового коридора

Поэту просто необходимо всегда быть влюбленным – у него есть счастливая способность «перекачивать» эту «атомную» природную энергию в красивые рифмованные строчки. Но что делать с любовью непозитическому сопернику Пушкина? Вот однокашники навещают в лазарете прихворнувшего в последний год учебы, почти перед самыми выпускными экзаменами, Ивана Пущина. Сокурсникам рад, но глаза грустные – не имеет возможности даже издали видеть предмет своей первой любви Екатерину Бакунину (Наталья Кочубей в это время уже отбыла с родителями в Париж).

Пушкину понятны сердечные страдания друга. Впрочем, они понятны не только ему. В аттестации директора Лицея Е. А. Энгельгардта психологический портрет студента Ивана Пущина еще с 1816 года выглядит следующим образом: «Несчастливые обстоятельства произвели на Пущина вредное влияние. Он с некоторого времени старается заинтересовать собою особ другого пола, пишет отчаянные письма и, жалуясь на судьбу, представляет себя лицом трагическим. Одно из таких писем попало в мои руки, и я по обязанности должен был внушить молодому человеку неуместность такого поступка в его положении. Дружеский совет, казалось, произвел желанное действие, но повторение подобного же случая доказало противное»⁵⁶.

Не случайно, как видим на пушкинском рисунке в ПД 841, л. 81 об. у профиля Пущина чуть приоткрыт рот: жалуется. Во время визита к другу-сопернику Ивану в лазарет Пушкин оставляет на деревянной табличке у его кровати свой – конечно же, ироническо-поэтический – «диагноз»:

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!
(«Надпись на стене больницы») (I, 261)

Иван Иванович Пущин в своих «Воспоминаниях о Пушкине» об этом рассказывает так: «Когда я перед самым выпуском лежал в больнице, он как-то успел написать мелом на дощечке у моей кровати: «Вот здесь лежит больной студент...» и т. д. Я нечаянно увидел эти стихи над моим изголовьем и узнал исковерканный его почерк. Пушкин не сознавался в этом экспромте»⁵⁷. Соперничество друзей за внимание Бакуниной в ту пору было, похоже, в самом разгаре.

Считается, что у Пущина с Пушкиным в лицейские годы не было друг от друга тайн. Это уже в продекабристских кружках Иван Иванович научился конспирироваться так, что и в своих мемуарных записках, составленных после Сибири, в 1857 году, на отношения поэта не только с будущими революционерами, но даже и с женщинами навел туману явно сверх меры. Впрочем, сам он это считал, вероятно, простым джентльменством. Мол, та же их с Пушкиным пассия Екатерина Бакунина еще жива, и эти его мемуары вполне могут попасться на ее прекрасные глаза. Так у них, лицейских друзей, было принято: была, мол, в те годы у друга моего любовь, но на подробности ее – «завеса!»

Иногда с целью утаить имя их общей первой любви, по понятиям Пущина, даже и приврать – не такой уж большой грех. Как у него в воспоминаниях получилось, к при-

⁵⁶ Сысоев Владимир. Поэта первая любовь, с. 42–43.

⁵⁷ Пущин Иван. Записки о Пушкине. Письма. – М., «Художественная литература», 1988, с. 52–53.

меру, с эпизодом поцелуя, которым Пушкин по ошибке одарил в полутемном дворцовом переходе фрейлину двора Волконскую. Было это, по словам Пуштина, в их **предпоследний учебный год**. Иван Иванович рассказывает: «...У дворцовой гауптвахты, перед вечерней зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гуляющих в саду, разумеется, и нас, l'inévitable Lycée (вездесущий Лицей), как называли иные нашу шумную, движущую толпу. Иногда мы проходили к музыке дворцовым коридором, в который между другими помещениями был выход и из комнат, занимаемых **фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны**. Этих фрейлин было тогда **три: Плюскова, Валуева и княжна Волконская**. У Волконской была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встретиться с нею в темных переходах коридора, и полюбезничать; она многих из нас знала, да и кто не знал Лицея, который мозолил глаза всем в саду?

Однажды идем мы, растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкин, на беду, был один, слышит в темноте шорох платья, воображает, что непременно Наташа, бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и освещает сцену: перед ним сама княжна Волконская. Что делать ему? Бежать без оглядки; но этого мало, надобно поправить дело, а дело неладно! Он тотчас рассказал мне про это, присоединясь к нам, стоявшим у оркестра. Я ему посоветовал открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкин никак не соглашался довериться директору и хотел написать княжне извинительное письмо. Между тем она успела пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а Волконский – государю.

Государь на другой день приходит к Энгельгардту. «Что ж это будет? – говорит царь. – Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки, бьют сторожей садовника Лямина..., но теперь уже не дают проходу фрейлинам жены моей». Энгельгардт, своим путем, знал о неловкой выходке Пушкина, может быть, и от самого Петра Михайловича, который мог сообщить ему это в тот же вечер. Он нашелся и отвечал императору Александру: «Вы меня предупредили, государь, я искал случая принести вашему величеству повинную за Пушкина; он, бедный, в отчаянии: приходил за моим позволением письменно просить княжну, чтоб она великодушно простила ему это неумышленное оскорбление». Тут Энгельгардт рассказал подробности дела, стараясь всячески смягчить кару Пушкина, и при-совокупил, что сделал уже ему строгий выговор и просит разрешения насчет письма. На это ходатайство Энгельгардта государь сказал: «Пусть пишет, уж так и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему, чтоб это было в последний раз. *La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit*» («Между нами: старая дева, небось, про себя в восторге от ошибки молодого человека»), – шепнул император, улыбаясь, Энгельгардту. Пожал ему руку и пошел догонять императрицу, которую из окна увидел в саду»⁵⁸.

В чем здесь «первый» и «бесценный» друг поэта привирает? К примеру, в том, что фрейлина императрицы княжна Варвара Михайловна Волконская (1781–1865), родная сестра генерал-адъютанта, начальника Главного штаба светлейшего князя П.М. Волконского, могла быть в те годы даже на взгляд юного лицеиста такой уж дряхлой и страшной. Как «с легкой руки» все того же Пуштина интерпретируется у проживавшего во Франции русско-эмигрантского биографа Пушкина Анри Труайя, – «старый, сморщенный, напудренный и принаряженный манекен»⁵⁹. А между тем достаточно легко ведь высчитать, что Варваре Волконской на момент этого коридорного происшествия было всего-то 35–36 лет.

Уродство ее тоже весьма сомнительно. Во все века и во всех странах монархии предпочитали окружать себя, по крайней мере, симпатичными, приятными лицами. И российские в

⁵⁸ Пуштин Иван. Записки о Пушкине. Письма. – М., «Художественная литература», 1988, с. 50–51.

⁵⁹ Труайя Анри. Пушкин. Биография. В 2 томах. – СПб, «Вита нова», 2005, т. I, с. 130.

этом, естественно, не могли быть исключением. Чтобы не вводить во искушение подрастающих великих князей, идеальной красоты у принимаемых в фрейлины дочерей знатнейших российских семей, конечно же, не взыскивали. Но и состарившихся, потерявших после многолетнего служения вид не вышедших в свое время замуж девушек на люди не выставляли. Они доживали свой век при дворе в комнатах так называемого фрейлинского коридора, но уже не участвовали в прежде обязательных для них свитских мероприятиях.

Камер-фрейлиной княжну Варвару Волконскую Пушкин называет как бы с высоты прожитых после Лицея лет. На самом же деле во время учебы первых лицеистов Волконская была простой фрейлиной. В камер-фрейлины она была пожалована лишь в 60-летнем возрасте, когда давно уже служила супруге Николая I императрице Александре Федоровне, которой вместе со своей сослуживицей Екатериной Бакуниной досталась от ее предшественницы Елизаветы Алексеевны, как водилось тогда, «по наследству».

Принимали в такое наследство, понятно, не всех, а лишь тех, к кому привыкли, с кем жалко было расставаться. Варвара Волконская, по всей видимости, оказалась человеком, наделенным редким качеством быть царственной особе и слугой, и другом. Вряд ли она при этом была такой уж чванной и сварливой. Вероятнее всего, княжна, в отличие от каких-то других своих товарок, просто была девушкой строгих нравственных правил, что при дворе, кстати, очень даже приветствовалось.

То, как оконфузившийся Пушкин перед высоконравственной фрейлиной Волконской хотел за свою промашку извиниться, хорошо видно из обращенного к ней его предерзкого французского четверостишья. В своем двухтомнике о Пушкине Анри Труайя цитирует его в переводе советского поэта Валерия Брюсова:

Сударыня, могу сказать,
За сводню можно вас принять,
И на мартышку вы похожи.
На Грацию ж... помилуй, Боже!⁶⁰

Перевел-то Брюсов складно, но не совсем точно из-за типографской ошибки в тексте, которым пользовался. Там вместо *garce* (потаскушка) было напечатано *grâce* (грация), что позволило поэту очень смелую, в пушкинское время невообразимую ассоциацию с самой Грацией, как за глаза называли хрупкую, изящную красавицу-императрицу Елизавету Алексеевну. Как женщина, супруга императора Александра I молодому Пушкину очень даже нравилась. Хотя, разумеется, он не претендовал ни на какие с нею отношения, на что без должных оснований пытаются намекать некоторые наши пушкинистки⁶¹. От услуг же легкодоступных женщин никогда не отказывался. Но более точный перевод его французских строк выглядит все же так:

Сударыня, вас очень легко
Принять за сводню,
Но за потаскушку —
О Боже, никак.

Хотя, может быть, поэтическая интуиция вовсе и не обманывала Брюсова, а Пушкин специально сложил свой текст так, чтобы ассоциация с Грацией подсознательно напрашивалась любому его читателю сама, помимо его воли. В принципе, с кем, кроме самой импе-

⁶⁰ Труайя Анри. Пушкин. Биография. В 2 томах. — СПб, «Вита нова», 2005, т. I, с. 130–131.

⁶¹ Смотри, к примеру, «Елисавету тайно пел» // Забабурава Нина. «Я вас любил...», с. 53–65.

ратрицы, могла «свести» поэта в темном дворцовом коридоре ее фрейлина? Совершенно, кажется, кощунственное даже для пушкинской дерзости предположение! А как насчет того, чтобы «свести» его со своей подругой-фрейлиной или с ее гостьей-племянницей?..

ПД 841, л. 33 об.

Нельзя не заметить, что в своих воспоминаниях Пушкин усерднее всего, даже отодвигая дату описываемого им коридорного происшествия на год, привирает о том, что фрейлин у императрицы Елизаветы Алексеевны в то время было только три. Ведь точно известно, что в 1816 году поступила к царице Елизавете в услужение еще и родная тетя Екатерины Бакуниной Софья Саблукова. И скорее всего именно не обязанную все время быть при государыне гостью своей тети Екатерину, готовящуюся присоединиться к свите по ходу движения к кордегардии, где играл оркестр, Пушкин и надеялся в том коридоре подстеречь.

Он точно знал, что Екатерина в это время находилась в Царском Селе и была в гостях во дворце. Именно поэтому приотстал от одноклассников и задержался у комнат, занимаемых, скорее всего, дежурившей в тот день при императрице ее теткой фрейлиной Саблуковой. Но на его беду первой из дверей вышла призванная присмотреть за плохо знакомой с планом огромного дворца гостьей-племянницей Софьи Александровны ее приятельница, свободная в тот день от дежурства фрейлина Варвара Волконская. Екатерина Бакунина явно сделалась невольной свидетельницей пушкинского коридорного конфуза.

Самому Пушкину не требуется публиковать мемуаров, и он честно рассказывает об этом эпизоде своей лицейской юности в сюите на листе 33 об. в ПД 841 – Первой Арзрумской тетради, в черновиках восьмой главы «Евгения Онегина», которую пишет в Болдине осенью 1830 года.

В верхней правой части этого листа мы видим **приштрихованный** от глаз до подбородка (зардевшийся, покрасневший?) профиль самого **отворачивающегося** и от нас лицеиста-Пушкина. Почему отворачивается? Смущен. Стесняется перед товарищами, начальством и особенно – перед Екатериной Бакуниной случившегося с ним курьеза. Линии штриховки на лице, начиная с бледных и полуспрятанных в черноте вроде как бакенбард четырех первых букв, выписывают слово «**нахальный**».

Почему себя Пушкин изобразил вроде как **в очках**? Потому что обозначился сослепу – из-за собственной близорукости, усугубленной недостаточным коридорным освещением. Что у его профиля **возле рта**? Конечно же, слюна: демонстрирует отвращение к объекту своего курьеза – **плюется**, словно чмокнул ненароком лягушку.

В линиях собственных профиля и одежды честно излагает суть пережитого. В огромных перетекающих одна в другую цифрах и буквах у плеча своего форменного лицейского сюртука констатирует: «**25 Мая**». В линии букв от уха по передней части волос до лба профиля – «**оскорбилъ**». Буквой на макушке – «**я**». От затылка и по задней части воротника – «**князю**». И, наконец, четырьмя крупными и остальными мелкими буквами по плечу, рукаву, передней части мундирного сюртука и краю его воротника – «**Варвару ВОЛКонскую**».

Верхний фрагмент ПД 841, л. 33 об.

И в центральной части этого же листа скорописью линий куполов и облачка над царскосельской дворцовой церковью признается: *«Я ожидалъ Елисавету и ея фрейлину Екатерину Бакунину 25 Мая 1817»*.

Натальей Кочубей в, вероятнее всего, 1818 году: *«Наталья вторая Кагульская устояла. Я ждалъ ея возл# памятника героямъ Кагула 29 Марта»*.

ПРАВИЛО № 27: важная информация в сюитах Пушкина зачастую содержится в линиях зданий, строений, оград, облаков

Одноклассник пушкинского брата Левика Николай Маркевич описывает встречу Пушкина в тот самый день со скромницей Наташей в аллее парка близ Кагульского памятника. По его словам, Пушкин «бросился перед нею на колени и начал ее целовать, она кричала, кричала, наконец, вырвалась и побежала к фрейлинским квартирам; на беду встретила с царем, который, увидя ее расстроенную и туалет в беспорядке, спросил о причине. Она рассказала все. Государь решил Пушкина отправить солдатом в Финляндию. Дело дошло до обеих императриц. Они призвали графиню Наталью Викторовну и приказали ей во что бы то ни стало выпросить Пушкину у Государя помилование. Долго мучилась графиня с царем. Слезы ее наконец победили...»⁶²

Но что в это время делает сам опять попавший в конфузную ситуацию Пушкин? А на листе 91 своей Лицейской тетради принимается писать элегию *«К Кагульскому памятнику»* («Воспоминаньем упоенный...»), над которой ставит французскую дату ее написания – 30 марта 1818 года:

Победы памятник надменный,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Воспоминаньем оживленный, —
Не стыд турецкого Султана,
Не задунайский Великан
Тревожит... (II, 76)

Фраза осталась недописанной. Так и не признался нам поэт, что на самом деле его в тот момент тревожило. Но, зная кое-какие подробности его тогдашнего поведения, допустимо и догадаться: не дает ему покоя то, что он вчера невдалеке от памятника Наташу поджидал и нахально целовал, а теперь опасается за это неминуемой кары. И поскольку благодаря слезным просьбам к царю самой Наташи серьезной расправы за эту дерзость так и не последовало, то не состоялось у провинившегося Пушкина и начатое им стихотворение – на него ему как бы не хватило энергии переживаний.

Хотя воспоминание об этих тогда не вымещенных в стихи переживаниях и осталось в памяти на долгие годы. О нем пытается говорить нам, к примеру, одна из его не вошедших в печатный вариант строф восьмой главы «Евгения Онегина»:

Когда французом называли
Меня задорные друзья,
Когда педанты предрекали,
Что ввек повесой буду я,
Когда по розовому полю
Резвились и бесились вволю,
Когда в тени густых аллей
Я слушал клики лебедей,
На воды светлые взирая,

⁶² Вересаев В.В. Пушкин в жизни, т. I, с. 121–122.

Или когда среди равнин
Кагульский мрамор навещая (VI, 508)

Ситуация для Пушкина тогда как бы «зависла». Родители же Кочубеи тем временем определили свою Наташу комплектной фрейлиной к великой княгине Александре Федоровне и срочно стали приискивать для дочери подходящего жениха. Предполагаемая партия с будущим генерал-губернатором Новороссии М.С. Воронцовым почему-то не срослась, и Кочубеи остановили свой выбор на графе А.Г. Строганове, свадьбу Натальи с которым сыграли в сентябре 1820 года.

Потеряв после кагульского эпизода доступ к своей пассии Кочубей, Пушкин продолжает, однако, стихотворно думать о ней. В поэме «Руслан и Людмила», над которой он и в послепелийские годы работает, есть вставная, как бы слабовато «привязанная» к основной линии сюжета новеллка – об отношениях двух ведьмаков, Финна и Наины. Новеллка непростая – с двойным дном. На «дне» у нее – отношения Пушкина с никак не решающейся принять его в свои члены масонской ложей, а на поверхности – с никак не дающейся ему в руки «чертовкой», «ведьмочкой» – волшебной преобразившейся Наташей Кочубей.

Необычное имя «**НАинаА**» Пушкин производит, как он всегда это делает, от имени своей любимой девушки – «**НАташА**», вставным слогом «ИН» придавая ему дополнительный смысл: «Наташа-иная», а то даже и – «наивная». Ведь его реальная Наташа Кочубей по юности, недалёковидности своей никак не может, не способна еще понять, что в лице «пасущего», преследующего ее своим вниманием недавнего царскосельского студента перед нею – могучий, лучший российский поэт. Даже, быть может, наслышанная от тех же его «адвокатш» умниц-императриц о его зарождающейся поэтической славе, она к нему равнодушна. Его поэнный Финн сокрушается:

«Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!» (IV, 15)

Не впечатлила графиню Наталью и человеческая смелость, даже дерзость Пушкина. Весной 1820 года у него что ни день – самые настоящие боевые дуэли. В поэнной новелле он намекает:

Задумал я ...
Бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины... (IV, 16)

Однако и это капризную Наину не убеждает. Неужели Наташа по наивности своей думает, что он так и будет добиваться ее всю жизнь? Что ее красоте и юности суждено продлиться вечно? Финн жалуется Руслану:

«К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный...
Но дева скрылась от меня,
Промолвя с видом равнодушным:

«Герой, я не люблю тебя!»
К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь *один, один...*» (IV, 16)

На самом деле Пушкин, конечно же, и без Наташи Кочубей в 1818–1819 годах был далеко не один. У него катастрофически развивался странный и короткий, но доставивший ему переживаний на добрую половину его творчества роман с Жозефиной Вельо. Из-за этого романа в 1820 году на него свалилось столько неприятностей и забот, что ему было уже не до завоевывания руки и сердца своей второй первой любви. После 1820 года, когда 19-летняя Наташа, с его точки зрения, скорострельно выскочила замуж, он досадливо рисует ее непременно Наиной – ведьмочкой, летящей на метле...

Соседнее полукруглое здание на пушкинском рисунке с Царскосельским лицеем штриховками крыши и стен, линиями окон и дверей рассказывает, конечно же, о кульминации отношений поэта с третьей его первой любовью – Лилой: *«Жозефину Вельо я не е...ъ въ бес#дк# парка изъ-за ея роста»*. Это для нас – отдельная история, касаться которой мы сейчас тоже не будем.

В самом конце 1819 года Пушкин дорисовывает карандашом и частично прорабатывает пером некоторые карандашные профили в «петле» на листе 50 в ПД 829 и на обороте этого листа набрасывает стихи о состоянии собственной души:

И я слышал, что божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихой дружбы свет.
Но слушай – чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжкой <и> глубокой
Елей надежды не живит....
Вот страсть, которой я сгораю!..
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться не желаю... (II, 67)

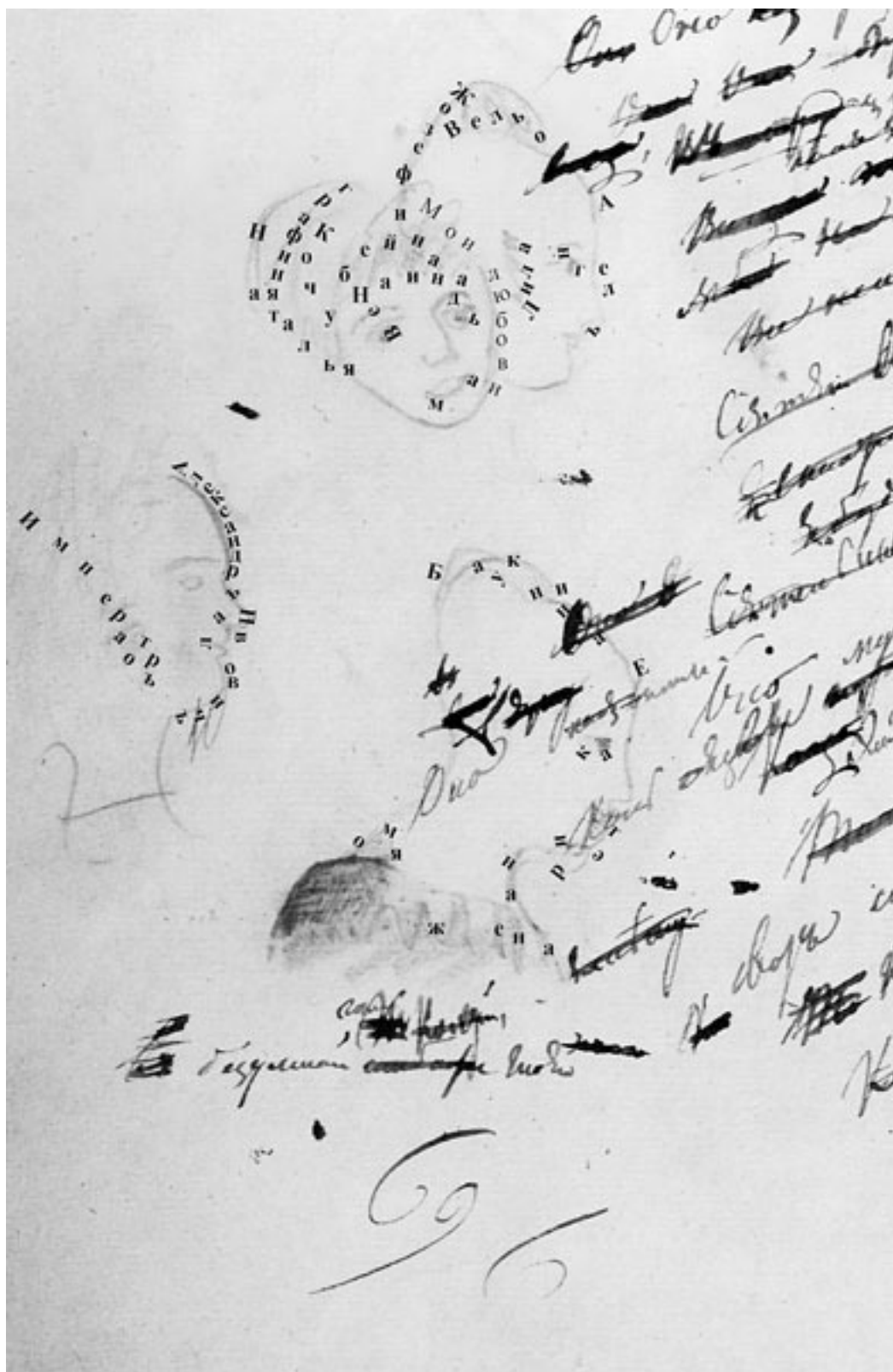
В пропечатавшейся на обратную сторону листа 50 об. графической сюите он подрисовывает карандашом только четыре профиля. В месте пропечатки профиля Софьи Вельо изображает ее покровителя *«Императора Александра Павловича»*, и в местах пропечаток лиц трех своих юношеских влюбленностей – профили и почти полный анфас Екатерины Бакуниной, Жозефины Вельо и Натальи Кочубей.

Две изображенные рядом последние девушки у него объединены словесным комментарием: *«Мои любви»*, но при каждой из них есть еще и собственные «приложения». Жозефина у Пушкина, понятно, *«Лила»* и *«Ангель»*. Наташа – не только *«графиня Кагульская»* (второе слово из-за чрезвычайной мелкости начертания очень трудно прочитывается в одной из линий узла волос на макушке), а и *«Ведьма Наина»*. Отдельно нарисованная Екатерина Бакунина для него, понятное дело, – *«Моя жена»*. Хотя и, судя по двоящемуся подбородку ее

профиля, пока еще сомнительная – не считающая себя таковой. Обегая изображения Жозефины с Натальей, текст стихотворения «**И я слышал...**» ложится прямо на профиль Екатерины Бакуниной – стало быть, **касается** именно ее, относится к ней, как сама не потухшая и к 1827 году направленная на нее пушкинская страсть.

Но при чем здесь, спросите, царь? Еще как при чем! На расцветающую Жозефину, быть может, и взглянул разок-другой с мужским интересом. Растрепанной и «зацелованной» Пушкиным Наташе Кочубей слезы утирал. Виновную в гибели сестры Жозефины собственную фаворитку Софью Вельо-Ребиндер оградил, заслонил от осуждения общества своим авторитетом. А для фрейлины двора Екатерины Бакуниной Александр Павлович – опора и защита прямо по своей высокой должности. Потому и возвышается на рисунке его безглазый (не видящий событий в их истинном свете) профиль за спиной этой пушкинской девушки...

Но какого все-таки года эпизод отношений с Екатериной Бакуниной Пушкин запечатлел в своем «конфузном» признании на «лицейском» онегинском листе? Ведь словом «фрейлина» он как бы констатирует факт уже состоявшегося назначения Екатерины Павловны, тогда как точно известно, что она поступила на придворную службу лишь осенью 1817 года. Конечно, Иван Пуштин весной своего последнего лицейского года долго болел и даже лежал в лазарете. Но ведь к началу экзаменов все же выздоровел и, стало быть, свидетелем дворцово-коридорного инцидента со своим другом Пушкиным быть вполне мог. Случись этот коридорный конфуз в 1816 году, на который Иван Иванович намеренно указывает, императору Александру как минимум не пришла бы в голову идея назначать лицеистов в дворцовые караулы. Ведь для отказа царя от ее реализации хорошо знающему своих «скотобратцев», как лицеисты сами себя называли в своих «домашних» периодических изданиях, директору этого учебного заведения Е.А. Энгельгардту пришлось потратить немало аргументов.

ПД 829, л. 50 об.

ПД 829, л. 50 об.

Чувствуется: что-то очень важное на пушкинском листе 33 об. в ПД 841 записано в черноте почти по-летнему пышных крон высоких околицейских деревьев. Важное, тайное и для рисовальщика очень приятное. Может быть, после того дворцового оркестрового концерта Екатерина Бакунина зашла в Лицей пообщаться с братом и заодно утешить, приободрить попавшего впросак его одноклассника и тезку Александра Пушкина? А тот, пользуясь

ее сочувственным вниманием, надолго задержал ее здесь своими увлекательными разговорами. Вышел с нею на темную улицу. Пошел провожать ее до дому. В аллее парка осторожно приближал...

Эти догадки вполне оправдываются графически в нижнем фрагменте сюиты. По контуру сильно запутанных линий крон деревьев, растущих невдалеке от Лицея, начиная от нарочитой чернильной размазки с левой стороны, довольно хорошо прочитывается строка-признание *«Бакунину Екатерину 25 Мая поцеловал я...»* А по правой вертикали сверху вниз дочитывается и место приятного для нашего рисовальщика происшествия – *«...у забора сада»*.

Какого сада? Конечно же, Екатерининского парка, который тогдашние жители Царского Села издавна называли садом. Потому что засаженную березами часть ограды соседствующей с Лицеем Знаменской церкви этому учебному заведению под разведение собственного сада отдали только в конце 1818 года.

Нижний фрагмент ПД 841, л. 33 об.

Дата 25 мая – совсем не случайная: как уже отмечалось, – канун дня рождения поэта. К нему он первоначально задумал было, по всей видимости, непременно получить достаточно скромный, но бесценный подарок – поцелуй любимой девушки. Вознамерился поцеловать ее, недотрогу, сам и неожиданно – в темноте дворцового перехода. Но даже и в самых роскошных мечтах вряд ли допускал то, на что отважится к исходу этого дня вслед за добытым через такой курьез поцелуем...

Этот майский вечер молодых людей, похоже, сильно сблизил. Как Екатерине было сразу, резко оттолкнуть от себя вроде как из-за нее «пострадавшего» такого интересно взрослого, приятного в общении парня, остроумного собеседника? Александра Смирнова-Россет свидетельствует, что хорошо знавший Пушкина Василий Андреевич Жуковский, говоря о нем, отмечал: «Когда ему было 18 лет, он думал как тридцатилетний человек; ум его созрел гораздо раньше, чем его характер. Это поражаало нас с Вяземским, когда он был еще в Лицее»⁶³.

⁶³ Смирнова-Россет А.О. Записки с 1825 по 1845 год. – М., «Московский рабочий», НПК «Интелвек», 1999, с. 173–174.

ПД 829, л. 45

Завтра Пушкину исполняется 18. А сколько он уже к этому времени написал стихов для Екатерины и о ней, в свой 22 год не такой уж юной и с ее собственной точки зрения барышни! И не заметишь ведь, как уподобишься сверхстрогой старой деве княжне Варваре Волконской... Впоследствии под грузом не очень удачного жизненного опыта Екатерина делается, конечно, рассудительной до прагматизма. Но в своем юном естественном для любого человека стремлении к самоутверждению она еще вполне способна была, по всему видать, и на внушенные сердцем, властью текущей минуты поступки.

Ах да, чуть не забыла про обещанный пушкинский «Поцелуй» с 45-го листа его Лицейской тетради. Самое время прочесть то, что в нем с большой отрадой для себя нашим «хитрым» рисовальщиком записано.

Как бы ни мистифицировал нас Пушкин выставленной на рисунке карандашной датой, в его воспоминании идет все то же знаменательное для него 25 мая 1817 года, в которое, пишет он прямо на лицах своих персонажей, **«25 Мая вечеромъ послѣ уроковъ у забора сада Екатерина Бакунина поцаловала меня въ щеку, а я ея въ губы. Вчера она подарила мнѣ книгу»**.

Понятно, что и вчерашняя книга, и сегодняшний поцелуй – подарки Екатерины однокласснику ее брата по случаю его завтрашнего дня рождения. Ей приятно восхищенное внимание этого умного, прежде своих сверстников повзрослевшего парнишки. И она относится к нему с такой же, как ей кажется, дружбой и симпатией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.